

НЕ ВСТАЕТ...

**«СТРАНА ОГРОМНАЯ» НЕ ВОСПРИНИМАЕТ
«ЗАМОРСКУЮ ОПЕРАЦИЮ» КАК НАРОДНУЮ
ВОЙНУ. ПОЧЕМУ ЭЛИТАМ ЭТОГО И НЕ НАДО**

**МНЕНИЯ ВОЕННОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ,
АНТРОПОЛОГА И ПОЭТА**

СТР. 2—5

Александр МИРИДОНОВ / Коммерсантъ

**«СТРАНА ОГРОМНАЯ»
НЕ ВОСПРИНИМАЕТ «ЗАМОРСКУЮ
ОПЕРАЦИЮ» КАК НАРОДНУЮ ВОЙНУ.
ПОЧЕМУ ЭЛИТАМ ЭТОГО И НЕ НАДО**

НЕ ВСТАЕТ

Призывы перевести жизнь страны в режим «всемирной войны» усиливаются с прошлого лета. Изначально это была реакция на противоречивую картину мирной жизни на большей части России и тяжелые испытания, обрушившиеся на действующую армию и население Донбасса. Сначала возмущение кипело в блогах сторонников спецоперации. Постепенно основные тезисы — единство фронта и тыла, критика ошибок снабжения и коррупции — переключались и в лексикон некоторых официальных комментаторов и даже политиков.

У меня нет сомнений, что это не государственная инициатива. Основными источниками, где генерируется активность в пользу «всемирной войны», стали персонажи с комплексом Савонаролы. Напомню, что этот проповедник критиковал церковь с позиций аскезы и нестяжательства. Не собиравшийся расставаться с роскошной жизнью Ватикан в итоге его повесил.

Подобных людей не так много, но они чрезвычайно активны. И обвинить их в корысти не получается. Недаром Алексей Навальный только что объявил сидящего в Лефортово Стрелкова политзаключенным. В дискуссии этих неистовых на страницах соцсетей вступают самые заинтересованные граждане: родня ушедших на фронт военных, их друзья, сослуживцы, земляки.

В результате с прошлого лета активно формируется слой наших граждан, уверовавших в слова президента или пропаганды по личным обстоятельствам. Все, кто искренне поддерживает

военные действия на Украине, каждый день, к немалой своей досаде, наблюдают жизнь окружающих, протекающую в обычном ритме. Но стоит включить телевизор, открыть канал «военкора», как на тебя обрушиваются горящие танки, летящие ракеты, суровые лица депутатов и пропагандистов под командованием Скабеевой и Соловьева, губернаторы в камуфляже... А на улице лето, смех в кафе, люди едут с работы, полные собственных забот.

Среди «уверовавших» немало кто нашел себя. По городам и весям женщины вяжут для фронта масксети. В домовых чатах ищут сиделок для раненых. Волонтеры вывозят собак и кошек из Мариуполя. Практически в каждом провинциальном городке шьют для армии. И по всей стране — бесконечные объявления о сборах средств на беспилотники, бронжилеты, ночные прицелы, приборы разведки, автомашины и оружие.

Кажется, это и есть «народная война»? Вот и Верховный главнокомандующий воззвал к единству в День защитника Отечества 23 февраля: «...так было на Чудском озере и Куликовом поле, под Полтавой, и Бородино, и в победном мае 1945 года. ...Миллионы людей искренне, по зову сердца помогают бойцам на передовой. И это несокрушимое единство — залог нашей победы».

Но по мере погружения в контекст вдруг понимаешь, что чем дальше от народа, тем меньше слов о всеобщем сплочении, о важности личного примера. Патриотизм — любовь к дому, национа-

лизм — ревность к соседу. Чиновничество наше не способно к жертвенной любви, корысть — его Полярная звезда.

Встречая требования граждан прекратить вакханалию роскоши в Instagram*, вернуть детей из западных вузов, жен с курортов, отправить сыновей и внуков на фронт, «как все» (в понимании масс это и есть элементы «народной войны»), элиты готовы в ответ лишь откупиться. Они оплачивают местную инициативу, но их вкусы не поднимаются выше убогих подражаний. От власти идет поток бесталанных картин, вирши Z-поэтов, «Юнармия», детсады в хаки, а в школе — учебники последней заверенной версии российской истории.

Еще пять лет назад Жора Крыжовников рассказал об этой серости в замечательном сериале «Звоните Ди Каприо!»: там высокобюджетный патристический блокбастер «Сирийский песок» идет в пустых залах. Какое предвидение! Вот так элиты пытаются организовать патристическое единение народа, не выходя из схем и кланов.

Почему же вся эта тотальная пропаганда не порождает отклика в душах, который был при нашествии того же, например, Наполеона?

Ответ прост. Не может стать народной заморская экспедиция. А СВО подается именно так. Главная задача власти на этом этапе — убедить избирателя, что все в России по-прежнему.

В телевизоре сражения вокруг Бахмута обсуждаются, как в американских вечерних шоу в 60-е годы обсуждались сражения где-то под Данангом. Все

* Соцсеть признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

очень драматически, но с перерывом на рекламу. Вся страна — зрители, но не участники.

Подход к захоронению погибших военных говорит о многом. По всей Украине — сплошные огромные воинские кладбища. Бойцы лежат вместе, их родня горюет вместе.

В России каждого стараются хоронить рядом с близкими в совершенно разных местах. По всей стране родные плачут по отдельности. И никто не видит разом, сколько же людей полегло. И Россия остается в роли зрителя.

Националисты в российских соцсетях с торжеством постят видео с бесконечными украинскими воинскими кладбищами. Но цель этих видео — сплотить людей общими жертвами. В России это явление тоже известно: так сплачивает Братское кладбище — знаменитое русское воинское захоронение в Севастополе. Для украинской власти это политический ход на далекое будущее, но как в случае победы российская власть собирается управлять регионами, где повсюду на могилах желто-голубые флаги и названия бригад ВСУ?

Все это говорит об опасениях правящего слоя России. Объединив ревнителей «народной войны», можно получить деятельное и требовательное политическое большинство, которое, не приведя господь, решит перейти к вопросам о происхождении власти и богатства самих элит. Поэтому все больше внимания правительство и администрации всех уровней уделяют работе с ветеранами. Почти все они пока на фронте, и нет больших сторонников идеи «народной войны».

Дугин: «Понятно, что в элитах есть значительный пласт затаившихся врагов... Но на часах истории сейчас час патриота». Этот воспаленный ум выдает желаемое за действительное. Никто не будет бороться с «затаившимся пластом». Враги — оппозиция. Политическое и физическое устранение противников военных действий власть подает зрителям и читателям как элемент «народной войны».

Но для того чтобы появилось слово «народная», надо разрешить к произношению и написанию второе слово. А оно запрещено. Не бывает же «народной специальной военной операции».

Вот уж не думал, не гадал! Второй раз в моей жизни власти под страхом репрессий требуют столетиями привычное народу дело обозначать заковыристыми фразами. Первый вариант придумали чинуши идеологического отдела ЦК КПСС — «временное присутствие ограниченного контингента советских войск в Афганистане». Тогда чуть ли не целый военный округ перешел Амударью.

Поначалу это дивное выражение даже пытались в статьях употреблять как ВПОКСА. Наш главный измерительный прибор орфоэпии — граненый стакан. Четверти литра хватало и комбату, и комбайнеру, чтобы обрубить непроизносимый канцеляризм до «Афган» и «война». А ведь идея строилась на расчете, что операция завершится за полгода, много — год. И весь мир согласится: действительно «временное присутствие».

Когда Горбачев пришел к власти, расчеты 1979 года никто уже не вспоминал. И для инструктора ЦК, и для слесаря это была Афганская война. В военных мемуарах встречается ОКСВА (штат 40-й армии — 115 000 человек). Санкции за употребление слова «война» были невелики — на крайний случай партийное взыскание. И в 1987-м весь СССР вернулся к понятному слову.

Прошло 34 года, и мне снова его запретили. Тогда чуть ли не половина российской армии перешла украинскую границу. Второй вариант зимой 2022 года придумали чинуши в администрации президента — «специальная военная операция» (СВО). Идея строилась на планах короткой кампании с небольшими потерями.

Поэтому у СМИ за «...» стали отзывать лицензии и регистрацию. Это посильнее утери партбилета во времена Афганской войны. В видах скорой победы для беседы любителей короткого русского слова отвели кухню без права выхода в интернет: за «...» в соцсетях грозили административкой и даже ст. 280.3 УК РФ.

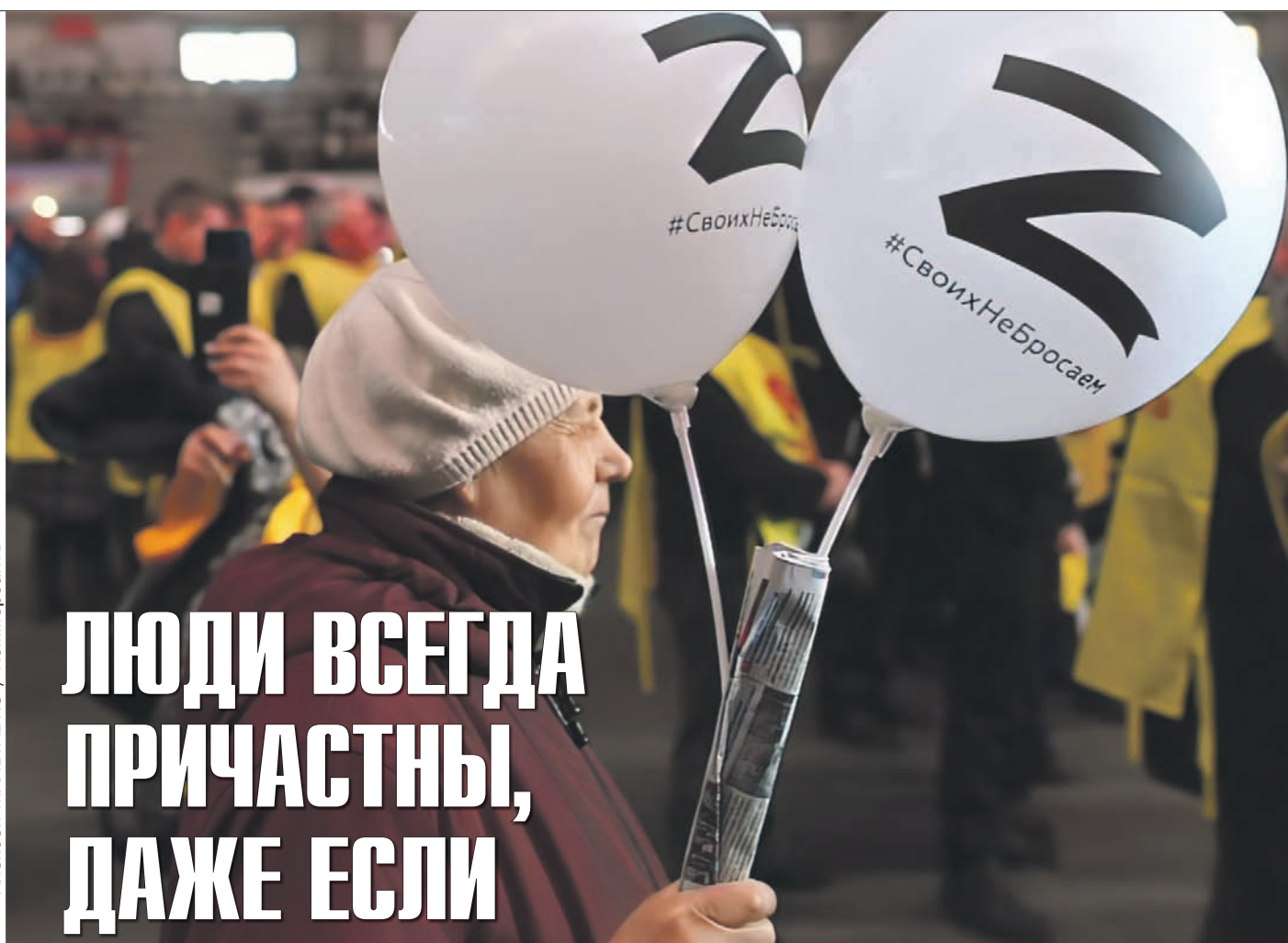
Прошло полтора года, про исходные планы никто уже не вспоминает. Из соцсетей СВО в основном слиняла. И все начальство потихоньку перешло на подлинное слово. А президент России слово «война» по телевизору произнес еще в прошлом декабре. Последние убежища аббревиатуры СВО — официальные конторы, речи и документы, да еще редакции государственных СМИ. Лишь в Госдуме везде СВО, а только глянешь из окна — идет то, что идет.

И пока всем предписано говорить «СВО», идею народного единства в стране, которую так трудно сплести, поскользнувшись на основании для сплочения в режиме «заморской операции» нет, сформулировал Сергей Кириенко: «Чтобы побеждать в этой войне, чтобы быть конкурентоспособными здесь, мы не можем ничего заимствовать, мы должны опираться на свои традиции, свою историю, свою культуру. Это тоже линия фронта, на которой находятся все российские специалисты в сфере политологии, гуманитарной сферы, социокультурного проектирования».

Что-то это не похоже на «Вставай, страна огромная!».

Валерий ШИРЯЕВ, «Новая»

Алексей МАЛЫГАНОВ / Коммерсантъ

**ЛЮДИ ВСЕГДА
ПРИЧАСТНЫ,
ДАЖЕ ЕСЛИ**

СЧИТАЮТ СЕБЯ СЛАБЫМИ

**ПРЕЖДЕ ЧЕМ ГОВОРИТЬ
О «НАРОДНОЙ ВОЙНЕ», НАДО БЫ
ПОНЯТЬ, ЧТО ТАКОЕ НАРОД**

Какую войну следует считать народной? Вопрос крайне спорный уже потому, что понятие «народный» само под большим вопросом. Какой из сегментов общества следует отнести к «народу», если эти сегменты пребывают на полярных позициях и относительно друг друга, и относительно так называемых больших идей, вокруг которых общество вроде бы как должно спланиваться? А если понимать под «народом» просто весь набор социальных и когнитивных антагонизмов среди индивидов, имеющих общий типовой паспорт и общий язык, то будет уже совсем неуместно использовать эпитет «народный» для обозначения чего-то единого и сплоченного.

Для российского же общества поляризация — это как вторая, если не первая природа. Со времен как минимум опричнины Ивана Грозного оно разделено и заражено всеобщей взаимной подозрительностью и нелицеприятием. Образно говоря, правой руке совершенно не по нраву то, что делает левая, и наоборот. В свете последних больших событий — кого считать воплощением российской «народности»? Тех, кто запивает водкой sentimentальные слезы, слушая последний трек Шамана?

Или ту девочку, что вышла с плакатом «Не убий» и которую тут же арестовала полиция? Или тех полицейских, что арестовали ту девочку?

В общем, если называть некое общественное явление «народным», то лишь при исключении из него тех общественных сил, которые это явление на дух не переносят. Такая себе получается «народность».

Но хорошо, если мы все же условимся, что под «народом» будем понимать просто некое очевидное большинство людей, обладающее правом голоса, — как тогда быть с «народной войной»? С того момента, как в XX веке возникают феномены массовой коммуникации и электоральной демократии, всякая война, начатая правительством государства, в котором эти феномены представлены, по умолчанию должна считаться «народной». Население, имеющее закрепленное в Конституции право голоса и право выбора своего правительства, несет очевидную электоральную ответственность за то, какую политику его правительство осуществляет. Если, конечно, мы предполагаем за данным населением хотя бы потенциальную субъектность.

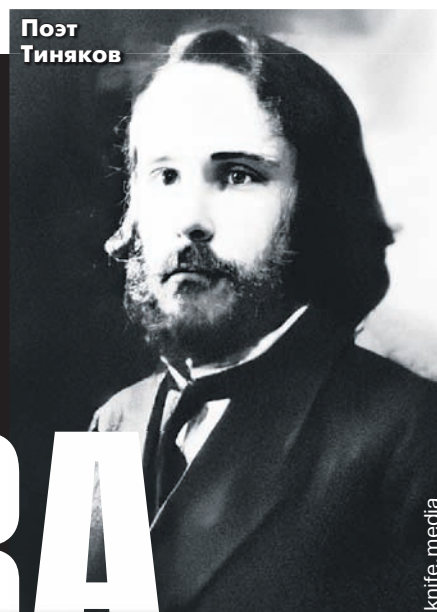
Подобный взгляд на «ответственность населения» сразу столкнется

со следующим контраргументом: но ведь эти люди не воспринимают себя теми, кто способен что-то менять в существующем положении вещей, — да они и по факту слабы, у них чаще всего просто нет такого ресурса, чтобы оказывать на правительство заметное влияние в том случае, если что-то им даже совсем не по нраву. Все так, но здесь мы выходим на самый важный антропологический вопрос: человек есть существо, созданное по своей природе свободным, — или история о свободе — это всего лишь благостный христианский миф, не имеющий никакой связи с реальностью? Если отвечаем на этот вопрос утвердительно, то ответственность есть. И всякая война есть тогда «народная война». Люди тогда причастны к ее причинам даже в том случае, если они считают себя слабыми и несубъектными, ибо то, что они так считают, и развязывает руки тем, кто любит войну.

Но что делать с тем фактом, если ты и на самом деле не можешь переломить намного тебя превосходящий силовой ресурс, — будь ты хоть сто раз осознавшим себя субъектом? Выход из этого вроде бы как тупика неоднократно озвучивался в истории человеческой этической мысли — от стоиков и христиан до недавних философов-экзистенциалистов. Осознать трагизм данного положения вещей и до конца держаться этого осознания, не отстраняясь и не отрешаясь от того, на что не можешь повлиять. Другими словами, оставаться субъектом и свободным внутри себя существом вопреки обстоятельствам и не избегая обстоятельств. Оставаться «на войне». А поскольку всякий народ есть субстанция весьма разнородная, то и цели у одной и той же «народной войны» могут очень разными — вплоть до совсем противоположных.

Роман ШАМОЛИН,
антрополог

Продолжение темы
СТРАНИЦЫ 4-5 ➔

Поэт
Тиняков

knife.media

ДЕТИ ТИНЯКОВА

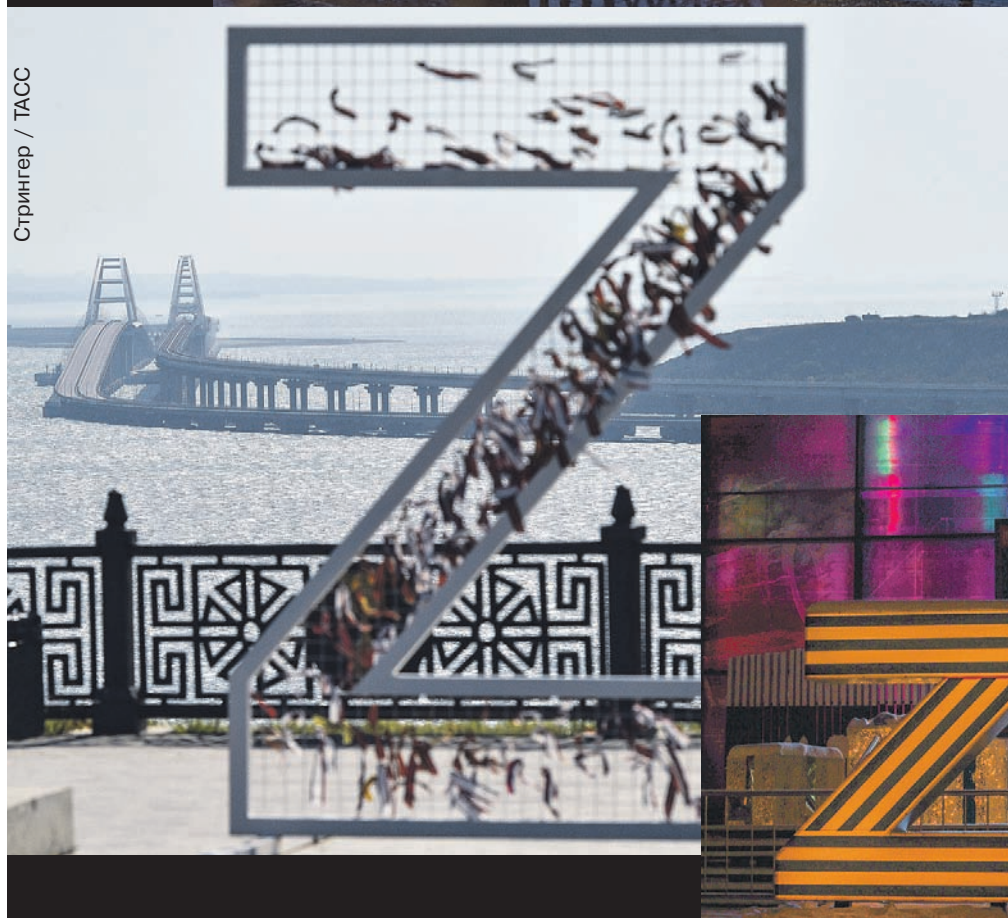
**ИМЕННО К САМОМУ МЕРЗКОМУ ПОЭТУ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА, А НЕ К ТВАРДОВСКОМУ
И СИМОНОВУ ВОСХОДИТ БОЛЬШИНСТВО
СОВРЕМЕННЫХ МИЛИТАРИСТСКИХ СТИХОТВОРЦЕВ**

Анатолий КАРЕИНОВ / NEWS.ru / TASS

AP / TASS

Стрингер / TASS

**Проблема Z-поэзии не
в том, что вдохновляют ее
омерзительные чувства
и постыдные эмоции, а как раз
в том, что все это,
по Ахматовой, недостаточно
бесстыдно**

Сергей БУЛКИН / NEWS.ru / TASS

Когда американские студенты спросили меня о принципиальной разнице между советской военной поэзией и тем, что принято обозначать буквой Z, этот вопрос поначалу поставил меня в тупик — не потому, что эта разница трудноуловима, а потому, что она слишком очевидна. Но если носителю языка легко уловить различие между лирикой и заказухой, то для слависта, хотя бы и квалифицированного, то и другое вполне себе стихи.

В этом сравнении Z-поэзия в проигрышном положении уже потому, что великие стихи Отечественной войны отфильтрованы временем, и мы имеем дело в основном с шедеврами, пережившими своих создателей. В поэзии сороковых полно было жестяного громохання, штампов и самоподзавода. Один шедевр вроде «Прасковьи» или «Соловьев» — что фатьяновских, что дудинских — приходится на сотню дежурных славословий вдохновителю всех наших побед или клишированных гимнов родине.

Время сделало свою работу, и мы не знаем, что останется через полвека от стихов сегодняшних «военкоров» или адептов «русского лета». Положим, те из них, что на слуху, компенсируют избыточной пиаровской активностью собственную малоодаренность, но я отнюдь не исключаю, что среди них есть десяток искренних и талантливых авторов, которые честно заблуждаются. Судить же о том, что останется в истории от современной патриотической риторики, невозможно в принципе — хотя бы потому, что неизвестно, многое ли сохранит Россия. Она хотела все поставить на карту — ну и поставила.

Можно было бы в тысячный раз повторить мантру о том, что Бог отнимает талант у аморальных или бесчеловечных авторов, поставивших этот талант на службу ложной идее, но, как ни грустно это признавать, от Маяковского в мировой поэзии осталось предостаточно. Позднюю Мориц не сравнишь со зрелой — но это касается почти любого автора. Бесчеловечность в поэзии, как и в жизни, обычно дурновкусна, но вполне человеческого Андрея, допустим, Дементьева тоже не заподозришь в избытке вкуса. Да и не вся Z-поэзия бесчеловечна, не вся пронизана ненавистью — очень много в ней как раз слишком человеческого, вызванного к жизни завистью, resentimentом, жадной компенсации собственной бездарности или неудачливости; не вся она заказная — очень много в ней как раз искренности, иное дело, что эта искренность свидетельствует о довольно темных сторонах авторской натуры.

Ну так не все же идеализировать человека — пора напомнить о том, что он остается довольно грязным, злым и неблагодарным животным. Те, кто говорит об этом скучно, канут, но те, кто повествует о своем личном распаде и падении с тиняковской откровенностью, вполне могут остаться в истории литературы хотя бы как курьез. Тиняков (1886–1934) был не ахти каким поэтом, но за счет похвальной откровенности уцелел, породив даже собственную школу. Именно к нему, а не к нарисованному на знамени Твардовскому и Симонову восходит большинство современных милитаристских стихотворцев. Известной саморазоблачительной энергией у них не отнимешь. Я вполне допускаю, что подростковая самоненависть — распространенная эмоция, тоже нуждающаяся в литературном оформлении, — когда-нибудь найдет утешение в этих стихах.

Если говорить о коренном отличии советской военной поэзии от постсоветской, становится понятно, почему советская военная форма никак не налезает на нового лирического героя. Великая Отечественная, как это ни парадоксально, была возвращением к норме, разрядкой долгого предвоенного психоза, когда нагнетались страх, ненависть, взаимная подозрительность — все симптомы сталинской паранойи, все методы русской опричнины. Война,

главная тема

по воспоминаниям Пастернака (и только ли Пастернака!), запомнилась как передышка, отдышка — можно ли представить другую страну, в которой страшнейшая из войн в истории могла бы восприниматься как лучшее время жизни?!

«А хорошо бы снова на войну» — в этом самойловском признании нет наигрыша. «Если вычеркнуть войну, что останется? Негусто» — эта его констатация не вызвала возражений у читателя-ровесника. Война была возвращением к норме, когда можно было искренне оплакивать погибших, любить страну не по идеологическим, а по биографическим мотивам, даже послать подальше зарвавшегося смершевца, о каковых эпизодах поведал Владимир Богомолов в своей весьма неоднозначной поздней публицистике. Война была вообще просветом в человеконенавистнической советской идеологии: догматики, как написал о том Слуцкий, там или прозревали, или погибали. Война породила свою мифологию, свои горы лжи — но это потом, когда начальство принялось, по обыкновению, карать невиновных и награждать непричастных.

А во время войны право голоса получили Ахматова и Платонов, Гроссман и Казакевич, Некрасов и Гудзенко; пусть окопная проза прозвучала десять лет спустя — окопная поэзия успела сказать свое слово. Своя подлинность была и у Симонова, который сумел создать новый образ Родины, во многом альтернативный официальному: это была уже не грозная мать, вечно требующая умирать во имя ее, а взбалмошная красавица, объект не только почитания, но и обычного мужского желания. И хорош или плох был Симонов, а его любовная лирика военных времен многим дала словарь и голос.

Война отвлекла начальство, «думавшее только о собственном спасении», и вернула людям право быть людьми. Ненадолго, не во всем, с крайней неохотой (НКВД свирепствовал и в блокадном Ленинграде), но прав был и Владимир Лившиц, вынужденный выдавать эти стихи за перевод с английского: «Нас оставалось пятеро в промозглом блиндаже, командование спятило и драпало уже, и, отдаленный слыша бой, я, жалкий раб Господен, впервые был сам собой, впервые был свободен».

Та война была временем разрешенной человечности, и ценность той поэзии — в той силе, с какой вырывается из-под спу-

Александр Твардовский на фронте. Та война была временем разрешенной человечности, и ценность той поэзии — в той силе, с какой вырывается из-под спуда естественность полузапретных живых чувств. Поэтому и получился «Василий Теркин»

«И плохо в этих стихах не то, что они жестоки или негуманны, а то, что они фальшивы, что подлинные, хоть и дурные чувства они облачают в несвойственную им советскую форму. Советское стыдилось животного в человеке — постсоветское им возгордилось и выпустило эти чувства наружу»

да естественность полузапретных живых чувств. Нынешняя СВО стала временем разрешенной бесчеловечности, радостного и яростного «заголимся!», временем греховных наслаждений, садомазохистских фантазий и нищенских мечтаний.

Я не говорю об огромном количестве шлама, получившего легитимацию за счет идейной правильности, о рифмованных версиях официальной пропаганды, о плакатных манифестациях ненависти к остальному миру — этого много, но и в антивоенной поэзии хватает прописей. Я говорю о том, что может стать фактом искусства. Разумеется, ненависть к укра-

инцам чаще всего не порождает настоящих стихов, потому что ненависть эта самоиндуцированная, самоподзадорная.

На самом деле львиная доля Z-поэзии порождена совсем другими чувствами — завистью к более популярным и более талантливым коллегам, ненавистью к девушкам, которые не платят взаимностью, и к государству, которое не дает возможностей для роста. Некоторая часть ее вдохновлена другими чувствами, которых принято стесняться, — некрофилией, например, то есть извращением довольно распространенным; оплакивание бывших возлюбленных имеет тут характер откровенно кроважад-

ный. Некоторых вдохновляют кровавые сцены и садистские мечтания — почему поэзия должна этого стесняться? Брюсов же не стеснялся, да и Ходасевич написал Ad Marichen, и ничего, многим нравилось. Проблема Z-поэзии не в том, что вдохновляют ее омерзительные чувства и постыдные эмоции, а как раз в том, что все это, по Ахматовой, недостаточно бесстыдно.

Это притворяется патриотизмом, а является жадностью к материальным благам или жадной признания; притворяется любовью к мифической подлинной Украине, а является неприкрытой мастурбацией на всевозможные вываленные внутренности. Притворяется тоской по величию, а является тоской по кровавым оргиям, пыткам или попойкам. Точно так же ОРДЛО притворяется «русским миром», чуть ли не Валгаллой, а являются обычной мечтой криминального элеме-та о безнаказанном садизме «на подвале».

И плохо в этих стихах не то, что они жестоки или негуманны, а то, что они фальшивы, что подлинные, хоть и дурные чувства они облачают в несвойственную им советскую форму. Советское стыдилось животного в человеке — постсоветское им возгордилось и выпустило эти чувства наружу, но ни Владимир Путин, ни его пишущие адепты не говорят всей правды. Бесчеловечности все еще принято стесняться, и потому политики смешны, а не страшны (вот Владимир Соловьев уже немного страшен — он больше не притворяется человеком).

Z-поэзия вполне могла бы обладать хотя бы той выразительной мощью, кото-

рая была у «проклятых поэтов», — Рембо, Бодлера; не стеснялся же Ходасевич признаться: «Все жду, кого-нибудь задавит взбесившийся автомобиль!» Поэзия бывает разной и далеко не всегда выражает чувства добрые. Маяковскому не слабо было сказать: «Стар — убивать. На пепельницы черепа!» Настоящая поэзия не должна стесняться лени, похоти, зависти к чужому благополучию; поэзия не должна притворяться благородной — поэтического выражения заслуживает не только любовь, но и брезгливость, не только тоска, но и трусость, не только героизм, но и зверство. Просто не надо прикидываться хорошими — и тогда будущие читатели будут вам даже благодарны за то, что вы за них признались в самом отвратительном. Такая честность, конечно, не гарантирует вам пощады на трибунале истории. Но она может обеспечить вам поэтическое шедервы, которых пока, прямо скажем, не видно.

Будем надеяться, что последние лепестки стыдливости опадут с поэзии «русского лета» и дьявольщина нашего времени предстанет во всей своей наготе.

Это обещает быть очень полезным не только в литературном, но и в историческом, и главным образом в медицинском отношении.

А цитировать и называть фамилии я, с вашего позволения, не буду. Зачем распространять заразу?

Дмитрий БЫКОВ*, «Новая»

* Признан Минюстом РФ «иноагентом».

«Я, Волошин Юрий Сергеевич, долгое время дискредитировал Вооруженные Силы Российской Федерации, а также иные силовые структуры, а также президента России... — Седой мужчина на вид лет сорока пяти стоит на фоне российского флага. В руках он держит бутылку шампанского. Его снимают на видео. — Я приношу свои извинения за свою плохую деятельность. Спасибо товарищу майору за то, что эта бутылка находится у меня в руках, а не в другом месте».

За восемь дней до публикации видео в телеграм-канале «СМЕРШ. Севастополь» появилась фотография Волошина и скриншоты с его страниц в соцсетях с видеозаписями Максима Каца* и других оппозиционных блогеров. Модератор канала призвал читателей писать в отношении Волошина заявления о совершении преступлений в МВД и «пожелать ему всего хорошего» в личных сообщениях на сайтах «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Следом было опубликовано видео, на котором двое полицейских в масках, выбрав из машины, жестко задерживают Волошина, идущего по улице. «Все, пакуем», — говорят они, заламав ему руки.

Спустя три дня после тех «извинений», 23 июля, Следственный комитет возбудил уголовное дело против 23-летней жительницы Самары Алены Агафоновой. Девушку обвинили в надругательстве над телами умерших и осквернении мест их захоронения (ч. 1 ст. 244 УК РФ). Ей грозит арест на срок до трех месяцев.

«Преступление» Алены — выложенный в соцсети ролик, в котором она «щечкочет» грудь монументу «Родина-мать» в Волгограде, напевая песню из «Ну, погоди!». Глупая шутка могла бы и остаться таковой, но 20 июля на пост девушки обратил внимание все тот же крымский блогер Александр Талипов. «Неужели в Самаре учителя в школе, а потом в институте не смогли привить ей чувство уважения к подвигу наших дедов? А сколько еще таких Ален в России...» — написал он в своем телеграм-канале. Через три дня за девушкой пришли силовики.

К концу апреля 2023 года в России было заведено более 6300 административных дел о «дискредитации армии». В феврале глава

БУТЫЛКИ ПАТРИОТОВ

В РОССИИ ВОЗРОДИЛИ СМЕРШ. НО ОХОТИТСЯ ОН НЕ ЗА ШПИОНАМИ

Следственного комитета Александр Бастрыкин заявил о 152 уголовных делах о «фейках относительно действий Вооруженных Сил РФ». По данным Роскомсвободы*, эти статьи — самые часто применяемые за негативные высказывания о СВО в Сети, хотя встречаются и другие.

Репрессии за посты не приобрели бы такую массовость, если бы силовикам не помогали сотни, а то и тысячи добровольцев. Обычных людей, которые, вполне вероятно, живут с вами в соседней квартире. «Я считаю, что необходимо возродить СМЕРШ. Никаких других вариантов нет и быть не может», — заявил Владимир Соловьев в своем эфире 20 апреля этого года. Сегодня можно без сомнений говорить: пожелание главного пропагандиста страны выполнено. Пусть и не в совсем исторически верной форме.

Подразделения СМЕРШ (сокращение от «Смерть шпионам!») были учреждены постановлением Совета народных комиссаров СССР от 19 апреля 1943 года. В их задачи входило выявление агентов рейха и его союзников в рядах советской армии. Нынешний СМЕРШ, взявший советское название и представляющий собой два десятка каналов в Telegram, борется не с военными — его целями становятся недостаточно патриотичные (в современном российском понимании этого слова) обычные жители.

Впервые организация громко заявила о себе еще в сентябре прошлого года, когда ее активисты «раскошмарили» (согласно их собственному определению) крымско-татарскую свадьбу, прошедшую в Бахчисарае. На свадьбе исполнялась украинская песня, написанная еще

в 1914 году. Мать жениха тогда получила пять суток ареста, мать невесты — штраф в 40 000 рублей. Владельца ресторана заставили извиниться, заявить о поддержке спецоперации и намерении поддержать ее финансово, но после этого все равно арестовали на 15 су-

* Внесены властями РФ в реестр «иноагентов».

Александр Талипов

ток. А его супругу оштрафовали на 50 000 рублей. Диджея заставили извиниться и посадили на 10 суток. Женщину, которая активно танцевала под песню, тоже арестовали на 10 суток.

Потом организация выслеживала тех, кто уехал от частичной мобилизации, публиковала личные данные людей, высказывавших симпатии Украине. И так постепенно дошло до извинений с бутылками.

Юридически нынешний СМЕРШ никак не оформлен. Единственное публичное лицо организации — крымский блогер Александр Талипов. На канале «Соловьев Live» его называют своим обозревателем.

«На моем счету таких людей [задержанных за высказывания пацифистской или проукраинской позиции] — много, — рассказывал Талипов о деятельности СМЕРШа. — Идея завести крымский СМЕРШ у меня возникла после начала спецоперации, когда стало появляться все больше и больше людей, которые не просто высказывали свое мнение, а активно противодействовали и дискредитировали российские власти. Возникла идея выявлять этих лиц и привлекать к ним внимание правоохранительных органов <...> Множественные извинения, которые в Сети вы видите, это как раз результат этой работы».

Блогер, однако, имеет отношение не только к крымскому СМЕРШу. Как минимум первоначально его контакты для связи были указаны и в пабликах других городов. Но именно в крымское сообщество — самое активное. В нем сейчас состоит 70 286 человек. В севастопольском — 10 725 человек. Для сравнения: в московском СМЕРШе — всего 1726 участников, в питерском — 529.

Талипов — не случайный человек. После «крымской весны» он был советником вице-премьера Крыма Михаила Шеремета и курировал программу «Чистый берег», в рамках которой на черноморском побережье выявляли незаконно возведенные гостиницы и ограждения. Программа была очень популярна на полуострове: люди здесь действительно устали от того, что любые мало-мальски состоятельные бизнесмены и влиятель-

ные чиновники отхватывали себе куски крымских пляжей. Навести порядок окончательно, конечно, не получилось: одно дело — снести забор у гостиницы какого-нибудь местечкового предпринимателя, другое — у особняка Виктора Януковича, перешедшего затем в пользование Юрию Ковальчуку. В 2015 году, поняв, что власть покрывает своих, Талипов оставил должность помощника Шеремета и даже стал критиковать чиновников, разоблачая коррупционные схемы.

В чем нельзя отказать основателю новоявленного СМЕРШа, так это в идейности. В 2019 году он рассказывал «Новой», как ему, будучи служащим погранвойск Украины, удалось сорвать учения Украины и НАТО.

«Весной 2006 года, будучи заместителем коменданта феодосийской пограничной комендатуры, я узнал, что Украина собирается провести военные учения совместно с НАТО. Официально об этом не сообщалось, знало только командование. В мае 2006-го в Феодосии проходил большой казачий праздник, приехали казаки не только с Крыма, но и с Кубани. Я собрал атаманов в баре под Башней Константина в Феодосии и рассказал о предстоящих учениях. Единогласно было принято решение их не допустить. Когда Adventure зашел в порт Феодосии, выход из порта заблокировали сотни казаков. Они разбили палатки, встали лагерем. К ним присоединились местные жители, приезжали люди и из России. Разгонять акцию украинские силовики не решились. В итоге американский сухогруз разгрузился и убыл. Учения с НАТО так и не состоялись. Конечно, мое начальство не знало, что я помогал казакам, — мне бы грозило уголовное дело», — рассказывал он.

Сегодня идейность Александра направлена не на военных и не на чиновников. Его telegram-канал за полтора года спецоперации вырос с 5 до 96 тысяч подписчиков. И объявить «шпионом» они могут каждого, кто спел не ту песню или непатриотично подурчался в соцсетях. А сотрудники полиции и СК черпают отсюда пригоршнями новые «палки» и звездочки — симбиоз.

Иван ЖИЛИН, «Новая»

Соцсети

Анатолий КАРБИНОВ / NEWS.ru / ТАСС

24 июня 2023 года.
Ростов-на-Дону

НОЖ ИЗ СПИНЫ ВЫНУЛИ, «ГЛОК» ВЕРНУЛИ

СПУСТЯ МЕСЯЦ ПОСЛЕ МЯТЕЖА «ВАГНЕРА» ЗА ПОГИБШИХ И РАНЕННЫХ НИКТО НЕ ОТВЕТИЛ

Прошел месяц после мятежа вагнеровцев. Уголовное дело прекращено, ЧВК перемещается в Беларусь, славословившие ее «военкоры» по команде разлюбили Пригожина, а пропаганда взялась за разоблачения самого низкого — постельного — толка. Чекисты и полицейские от греха подальше точно напомнили радикальному националистическому крылу, что его деятельность должна быть сугубо управляемой, а всякого рода эксцессы исполнителей наказуемы, и для этого арестовали яростного критика пригожинцев Стрелкова-Гиркина. Вся эта активность происходит в плоскости политической, что же до вполне осязаемых и даже материальных результатов мятежа — произошедшее практически никаких последствий не возымело.

Месяц назад мы поставили десяток вопросов о ходе и последствиях восстания. Сейчас ответы на них очевидны. Сколько жертв понесли российская армия и силовые структуры при попытках помешать продвижению ЧВК «Вагнер» вглубь страны? Возбуждены ли уголовные дела по факту гибели военнослужащих? Сколько и какая техника ВС РФ или иных силовых структур уничтожена или повреждена в ходе «самозащиты» «Вагнера» (именно так называет действия ЧВК пресс-служба ее владельца)?

Власти Ивановской области подтвердили гибель во время мятежа экипажа самолета — пункта управления Ил-22. Сотрудница Первого канала Ирина Куксенкова в своем телеграм-канале заявила, что на борту будто бы было 10 человек, что якобы самолет был сбит пригожинцами случайно, так как «дурак-пэвэошник в колонне все взлетающее сбивал».

Она же сообщила, что хозяин ЧВК якобы согласился выплатить семьям погибших по 50 млн рублей.

Также во время мятежа ВВС России потеряла не менее шести вертолетов с экипажами (не менее 13 человек).

По данным исследовательского проекта Огух, вагнеровцы также якобы

захватили автомобиль КамАЗ-435029 «Патруль-А» и броневую машину «Тигр-М». Официальных подтверждений не было.

Владимир Путин, выступая перед военными, заявил: «Погибли наши боевые товарищи. Они не дрогнули и с честью выполнили приказ и свой воинский долг». Глава комитета по обороне Госдумы Андрей Картаполов говорит прямо противоположное: «Они [вагнеровцы] никого не обижали, ничего не ломали. К ним нет ни малейших претензий ни у кого — ни у жителей Ростова, ни у военнослужащих ЮВО, ни у правоохранительных органов». Об уголовных делах по факту гибели военнослужащих ничего не известно.

Имеются ли погибшие или пострадавшие среди гражданского населения? Возбуждены ли уголовные дела? Губернатор Воронежской области Александр Гусев ушел, нанесенный местным жителям во время мятежа, в своем телеграм-канале обрисовал так: «Это чуть более пары десятков жилых домов, несколько хозяйственных построек и автомобилей. <...> Также легкий вред здоровью получили четыре жителя региона, среди которых один ребенок. Им выплатим по 100 тысяч рублей».

Глава Павловского района Воронежской области Максим Янцов заявил, что в селе Елизаветовка пострадало 19 до-

мовладений «в результате перестрелки, которая произошла 24 июня, когда по району проходила колонна ЧВК «Вагнер». И пообещал владельцам компенсации.

Люди пострадали при следующих обстоятельствах. Вечером 24 июня, в 19.16, на трассе между селом Анна и Борисоглебском Воронежской области три машины попали под авиаудар. Также ряд каналов опубликовал видео попадания ракеты в фуру; сообщалось, что в ней якобы находились гражданские лица и что дело происходило на трассе «Дон». Официальные власти это не комментировали.

Достоверно известно: вагнеровцы шли, смешиваясь с гражданскими машинами, а также сами использовали фуры с логотипами торговых сетей (выкупленные у компаний, как подтверждают владельцы ритейлеров), так что ситуация выглядит правдоподобно.

Уголовные дела по фактам сознательного или ошибочного нанесения ударов по гражданским той или другой стороной не возбуждены. Пределы допустимой «самообороны», как Пригожин назвал действия «Вагнера», особенно видны на фоне реальных сроков за бросок пластикового стаканчика в сторону полицейского или укол шариковой ручкой.

В Ростове-на-Дону техника мятежников повредила 10 тыс. кв. м дорожного полотна, больше всего пострадал

Буденновский проспект. Мэр города Алексей Логвиненко это подтвердил. Стоимость работ неизвестна, но, по подсчетам журналистов, составит не менее 10 млн рублей. Работы оплатит бюджет.

В Липецкой области во время маршброска вагнеровцев перекопали автомагистраль. Власти планируют заасфальтировать дороги заново, сколько на это уйдет средств — неизвестно.

Почему колонны ЧВК беспрепятственно пошли через целый ряд регионов (например, Липецкую и Ростовскую области) и не были остановлены? Задержаны ли офицеры штаба Южного военного округа за то, что сложили оружие? Ответа на эти вопросы нет, как нет и информации об уголовных делах. Ряд отставок в армейском руководстве и полное исчезновение из публичного поля генерала Суворовкина косвенно свидетельствуют о том, что как бы нежно мятежники ни обращались с пограничниками и офицерами штаба ЮВО, что-то в этом, весьма возможно, договорном матче пошло не так.

Сохранит ли Пригожин контроль над ЧВК, а Уткин — пост командира? Останется ли у ЧВК тяжелая техника и авиация? Их сохранили. А командиры ЧВК даже были приняты президентом в Кремле через пять дней после мятежа.

Что до изъятия при обыске в офисе «Конкорда», миллиарды кэш уже возвращены — это выплаты раненым и семьям погибших. Наградной «Глок» — тоже, лично в руки Пригожину. Об иных предметах, фигурировавших на опубликованных пропагандистами записях, умалчивается.

Будет ли в связи с лояльным отношением государства к критике 2-ном Пригожиным

Сбитый под Воронежем
самолет Ил-22

Telegram-канал «Кантемировка»

ВС РФ пересмотрена правоприменительная практика по статьям о дискредитации армии и фейках или отношение к уличным протестам?

Ответ — в трех июльских примерах. В Курске суд оштрафовал на 30 тысяч рублей многодетную мать за «дискредитацию» армии. Поводом для составления протокола стал одиночный пикет, который так и не состоялся, так как на месте женщину сразу задержали силовики. Главного редактора уральской «Ревды-Инфо» Валентину Пермякову оштрафовали на 30 тыс. рублей за запись о российских войсках.

В Свердловской области на ту же сумму оштрафовали сельскую учительницу — донос написали родители учеников, женщина не признала себя виновной.

Кстати, подпадает ли под понятие дискредитации критика пригожинцев за мятеж? Чтобы вывести ее из-под наказания, депутаты от «Новых людей» внесли соответствующий законопроект. Однако Верховный суд дал на него отрицательный отзыв, указав, что ответственность и так наступает только за критику «законных» действий ЧВК. Что именно будут считать законным с учетом отсутствия наказаний за события 23–24 июня, видимо, останется на усмотрение правоприменителей.

Татьяна БРИЦКАЯ,
«Новая»

ОТЛЕТ ВАЛЬКИРИЙ

**В ГОРЯЧЕМ КЛЮЧЕ
БУДУТ СКУЧАТЬ ПО
ЧВК «ВАГНЕР». ОНА
ЗАБИРАЛА ЖИЗНИ,
НО СТАЛА ЗДЕСЬ
«СИСТЕМООБРАЗУЮЩИМ
ПРЕДПРИЯТИЕМ»**

Фото автора

17 июля 2023 года. Перед забором с колючей проволокой выстраивается два десятка мужчин в камуфляже. Их лица закрыты банданами. Тот, что встает впереди, заявляет: «Мы снимаем флаги России и ЧВК «Вагнер» со своей базы в поселке Молькино. База прекращает свое существование. ЧВК «Вагнер» убывает в новые места дислокации».

Два флага спускают для передачи в мемориальный комплекс «Вагнера» в Горячем Ключе (Молькино входит в его городской округ), один — отдают командиру «штурмовиков» Дмитрию Подольскому, а еще один наемники забирают с собой на новое место, в Беларусь. Частная военная компания дислоцировалась в Молькино восемь лет, став одним из «системообразующих предприятий» для всего Горячеключевского района. Самым щедрым, пусть и самым рискованным работодателем. И вот теперь она уходит. 30 июля — ее последний день на Краснодарской земле. Корреспондент «Новой» отправился в Горячий Ключ, чтобы узнать, как здесь воспринимают уход «Вагнера», и пообщаться с самими наемниками.

Часть I. Город в строю

«Хотелось киллером стать»

Горы, реки, скалы, леса, и посреди этого — военная техника, вооруженные люди с черепами на шевронах, плотные ряды могил. Горячий Ключ и его окрестности — место демонических контрастов.

Город-курорт, совсем недавно известный лишь своими санаториями и минеральными водами, с февраля прошлого года оказался вовлечен в украинский конфликт. И сегодня это, пожалуй, главный

смысл жизни для местных — «победить», «помочь фронту». «Зедки» здесь не снимают с машин, клеят стикеры с ними на магазины и продают канцтовары с символикой спецоперации. Флаги России висят не только на госучреждениях, но и на воротах многих частных домов, нередко покоящихся на фундаменте.

По Горячему Ключу то тут, то там ходят люди в камуфляже. У одних на рукавах — знаки Министерства обороны, у других — красно-черные нашивки «Вагнера». Многие в городе, где и живет-то 40 тысяч человек, прошли через частную военную

компанию, «отработали» контракты, но даже после окончания службы продолжили носить символику ЧВК. Никого здесь, кажется, не смущает ее зловещесть. Да и относятся в Горячем Ключе к наемникам как к героям.

Константин Никифоров возит гуманитарку для бойцов на «новые территории». У него много знакомых и в «Вагнере», и в регулярной армии. Им всегда нужна помощь: от дронов до трупов, и жители города охотно все это закупают.

— Когда один, когда два раза в месяц катаюсь «за ленточку», — говорит Константин. — Тут у каждого второго или родственник, или друг на спецоперации. Конечно, люди им помогают.

Сам Никифоров тоже думал записаться в «Вагнер», но не нашел вакансии, которую можно было бы совмещать с развозом гуманитарки. А жертвовать этим делом ему не хочется. Да и войну он уже прошел — вторую чеченскую. Был снайпером. Те события долго на нем сказывались.

— Лет десять после службы хотелось киллером стать. Думал: как здорово было бы, если б на гражданке тоже была такая работа — людей стрелять. Я это хорошо умел. Любая война меняет человека. Те парни, которые возвращаются со спецоперации, уже не будут прежними. Может быть, за исключением некоторых «вагнеров», которые просто по своему характеру профессиональные убийцы. — Он говорит это без тени презрения. — В «Вагнере» много ребят, которые пошли туда, чтобы убивать. Потому что они нуждаются в этом. Они сами просятся на первую линию, чтобы видеть, как их пуля попадает в противника. В обычной армии такого нет, она перестреливается [с украинцами] с больших расстояний, там не бывает ситуаций, когда твои и украинские позиции находятся в 30 метрах друг от друга. А «Вагнер» дает людям эту возможность.

При этом Никифоров подчеркивает, что далеко не все наемники в «Вагнере» — штурмовики, таковых даже не большинство: есть артиллерия, танки, авиация, отряды снабжения, есть водители, медицинский персонал, саперы и эвакуационные бригады, вытаскивающие раненых с поля боя. Да и не вся пехота попадает на «передок».

— Шансы выжить у большинства весьма высоки. Но если ты скажешь, что хочешь на первую линию, — будь уверен, тебе не откажут, — усмехается он.

В Горячем Ключе в ЧВК идут еще и потому, что с компанией можно заключить срочный контракт: полгода на передовой — и домой. В Минобороны такой опции нет: контракты в период проведения спецоперации не расторгают. У Константина двое знакомых сходили в ЧВК, просто чтоб решить финансовые проблемы: одному нужно было закрыть кредит, второй хотел купить машину. Оба, рассказывает Никифоров, вернулись «целые и при деньгах».

— Но неужели нет возможности зарабатывать иным способом? — удивляюсь я.

Константин мгновенно озакивает, заявляя, что речь, во-первых, идет «о защите Родины — деле святом». А во-вторых, зарплату в 240 тысяч рублей в Горячем Ключе, да и в целом в Краснодарском крае не сыщешь. Он и не спорит, что в «Вагнере» многие идут ради денег. И для Евгения Пригожина, по его мнению, ЧВК — это в первую очередь бизнес-проект.

— Думаешь, почему произошел бунт? Просто представь: у тебя есть госзаказ на 80 миллиардов рублей — с мая 2022 года по май 2023-го. Ты отработываешь его добросовестно. И вдруг узнаешь, что хотя*** продолжается, конкретно с тобой контракт не продлевают. То есть ни 80 новых миллиардов, ни даже половины этой суммы больше не будет. Да еще и твоим

бойцам говорят: «Заключайте контракт с Минобороны» (имеется в виду приказ министра Сергея Шойгу, согласно которому до 1 июля все добровольческие отряды должны были перейти в подчинение военному ведомству. — И. Ж.). То есть тебя хотят лишить всего. И конечно, Пригожин вскипел. Парни, которые шли на Ростов и Москву, ничего не знали о планах руководства, для них это было сюрпризом. Но авторитет Евгения Викторовича в «Вагнере» настолько высок, что бойцы готовы идти за ним хоть к черту на рога. Потому что он каждому из них помог подняться, простых парней не только сделал миллионерами — дал им еще и смысл жизни. Они служат стране и неплохо зарабатывают одновременно.

Июньский мятёж вообще встревожил Горячий Ключ. Никифоров говорит, что в те дни женам «вагнеров» и военнослужащих лучше было не пересекаться — расцарапали бы друг друга лица.

— Потому что одни говорят: «Как же они против своих пошли?» А другие: «Наши мужья гибнут, потому что армия не дает им снарядов». Бунт был настоящий. Да, многие не хотели в нем участвовать, но все равно пошли. Нужно понимать психологию военного человека. Допустим, ты не хочешь идти на Москву, но вот ребята, с которыми ты полгода в окопах и полевых лагерях сидел, — они тебе уже дороже братьев, и они идут. И ты пойдешь просто за них. Потому что вы вместе пережили самые важные события в жизни.

Единственное, о чем жалеет Константин, говоря о военной операции, так это о том, что она не началась раньше. «Тогда бы, наверное, и потерь таких не было», — вздыхает он. И называет количество погибших «вагнеров», услышанное от друзей, которое заметно отличается от данных, озвученных Пригожиным. Публиковать их в России, впрочем, нельзя.

Когти «Голубки»

В апреле прошлого года в Горячем Ключе появилось волонтерское сообщество «Голубка», члены которого еще называют себя тыловым батальоном. Они плетут маскировочные сети и шьют одежду для российских военных и бойцов ЧВК, делают носилки, готовят еду — когда есть okazия отправить ее с гуманитаркой.

То ли администрация города, то ли провидение так распорядилось, что волонтеры занимают муниципальное помещение, которым прежде пользовался расчетно-кассовый центр. Вообще помещений в городе у «Голубки» два: в одном плетут маскировочные сети, в другом делают все остальное. Актив «тылового батальона» большой — около 100 человек. Это не только пенсионеры, но и вполне молодые люди и даже дети. Только к апрелю этого года они изготовили для фронта 12 208 трупов,

сая, было страшно. И летчики погибли — от своих же.

Чтобы изготовить маскировочную сеть, обычную спортивную сетку натягивают на стойку, похожую на футбольные ворота, а затем обвязывают ленточками по специальным схемам. Таких стоек в помещении, где работает «Голубка», три. И на каждой из них идет работа.

На стене рядом с российским флагом — образцы тканей и краткие инструкции: «Если нет светлого хаки на переход — использовать 2-й зелено-коричневый»; «Сеть «Окоп»: основа (50%) — цвет «песок», переход (20%) — цвет «темный хаки», пятно (30%) — «светлый хаки». Всего четыре типа сетей: помимо окопной, для города, леса и поля.

— Я сейчас делаю распятновку, то есть определяю границы пятна, — объясняет мне одна из женщин, проводя ленточку между ячеек. — Сеть должна быть не однородная, а разных цветов, чтобы лучше подходить под особенности местности.

В помещении волонтерского сообщества «Голубки»

Фото автора

Волонтеры почему-то просят не называть их имен, хотя, казалось бы, своим делом они должны гордиться. Заказ, над которым они сейчас работают, пришел из Владивостока.

Денег за свою работу «Голубка» не берет. От заказчиков просит только предоставить материалы.

— У нас самих дети и в «Вагнере», и в армии служат, — внезапно признается мне женщина, сидящая за швейной машинкой. — Конечно, нам очень страшно за них, и мы прекрасно понимаем других матерей и жен, у которых родные «за ленточкой». Потому и помогаем всем.

Но рассказывать о своих родственниках в «Голубке» отказываются. «Это же запрещено», — говорит старшая.

«Справедливейший» работодатель

Особых конфликтов у «вагнеров» в городе за восемь лет не было. Поразительно: никто не может вспомнить ни разборок, ни пьяной стрельбы. Больше того, в Горячем Ключе бойцов ЧВК характеризуют терминами «вежливые» и «щедрые». И в негативном свете противопоставляют им военных, зарплаты которых ниже и которые не могут совершать столько покупок и оставлять столько чаевых, сколько наемники.

Горячий Ключ как-никак — курортный город, и деньги здесь любят.

Единственное обострение произошло в марте этого года, когда местные власти не разрешили ЧВК захоронить в станице Бакинской близ Горячего Ключа шестерых наемников. Объяснялось это вовсе не какими-то идеологическими противоречиями, а лишь желанием сохранить курортный ореол города.

«Я с уважением отношусь к действующим бойцам ЧВК «Вагнер» и к памяти тех, кто уже отдал свою жизнь за Родину! Но не могу не прислушаться к мнению общественности, что город-курорт Горячий Ключ неправильно делать местом для массового захоронения бойцов», — объяснил в соцсетях мэр Сергей Белопольский.

«Вагнер» отреагировал резко. Евгений Пригожин ультимативно заявил, что похороны пройдут, хотя бы чиновники или нет. А бойцы ЧВК записали видеообращение к администрации: «Вы дождетесь, тва-

Фото автора

Даниил Фоминых

безусловно, дал многим возможность заработать. А может, еще и даст такую возможность, — говорит он с неприкрытой теплотой.

Бунт «Вагнера» Фоминых комментировать не хочет. Говорит лишь, что для города этот момент был очень напряженным и что бойцов военной компании в Горячем Ключе знают как «справедливейших людей». «Но сейчас они сами подписывают определенные бумаги и не хотят об этом говорить», — заключает депутат.

«Они совсем отвязались»

Я знал, что «Пивная пена» между аптекой и складом водки Fortuna — плохое место. И потому решил пропустить здесь кружку пшеничного за 65 рублей, слушая разговоры посетителей. Случайный человек заходит сюда редко: «Пивная пена» — бар для военных и бойцов «Вагнера».

Темно-зеленые стены, увешанные фанатскими шарфами и сушеной рыбой. Криминальная драма по телевизору. Имперский флаг за барной стойкой.

Подслушанный разговор 1:

— С их передислокацией все очень серьезно, — рассказывает один мужик в камуфляже другому. — Потому что знаешь, сколько они нам танков в итоге передали? Всего тридцать. Почти все, что было, ушло в Беларусь.

— То есть теперь направление — Польша?

— Да какая Польша? Ты *** дал? Польша — это у нас что?

— НАТО.

— Это НАТО. Туда они не пойдут.

— А куда пойдут?

— Да *** их знает, они ж совсем отвязались.

Подслушанный разговор 2:

— Я до сентября отдыхать буду. Надо решить, делать новый контракт или нет.

— Так тебе уезжать придется.

— Ну да. И непонятно куда: главный говорит, что в Африку кто-то поедет. Кто-то в Беларуси останется. Я в Африку вообще не хочу. А тут, с другой стороны, что делать? Опять «бомбить»? Я *** работать за 60 тысяч.

— Здесь вариантов нет?

— Только на кладбище, но туда здоровых не берут.

Подслушанный разговор 3:

— Я уже месяц каждый день квашу.

— Мудак, ты три недели только вернулся.

— [тяжелый вздох].

— Работу искать будешь?

— Ничего не хочу.

Выпает.

Продолжение материала
Ивана ЖИЛИНА —
СТРАНИЦЫ 10-11 ➔

ВОЛОНТЕРЫ «ГОЛУБКИ» ПОЧЕМУ-ТО ПРОСЯТ НЕ НАЗЫВАТЬ ИХ ИМЕН, ХОТЯ, КАЗАЛОСЬ БЫ, СВОИМ ДЕЛОМ ОНИ ДОЛЖНЫ ГОРДИТЬСЯ

4368 окопных свечей, 2132 носилки, 1989 флисовых жилетов, 1722 пары носков, 1427 плащей-накидок, 555 подушек, 303 пижамы для госпиталя. И это далеко не все. Общая площадь маскировочных сетей, изготовленных «Голубкой», перевалила за 10 000 квадратных метров.

— Для нас нет разницы между «Вагнером» и российской армией. Мы всем помогаем, — рассказывает мне одна из волонтерок, завязывая зеленый узелок масксети. — Конечно, когда бунт случил-

← СТРАНИЦЫ 8-9

Подслушанный разговор 4:

— С девушкой у вас все серьезно?
— [молча кивает головой].
— Да какое тебе серьезно? Ты ж завтра сдохнешь.
Смеются.

Часть II

«Братский» уклад

База

Молькино — на удивление бедный хутор. По пути в «пионерлагерь» (так здесь называют расположение «Вагнера») прохожу мимо обшарпанных, десятилетиями неремонтированных двухэтажных домов с разбитыми подъездными дверями, мимо пустующей фермы. Между деревьями, которые растут рядом с бараками, натянута бечевка, на которых сушится одежда. На улице почти нет людей.

На замусоренной остановке у магазина выпивают трое мужчин в камуфляжной форме с российскими флагами на шевронах.

— Вы не из ЧВК? — спрашиваю их.

— Мы из армии, — отвечает сидящий посередине. — Иди под мост, парень. Там будет много из ЧВК.

Вся «жизнь» действительно начинается под автомобильным мостом, где небольшими группами тусуются люди в одежде цвета хаки. У входа в арку — баннер: «Стоянка автобусов ЧВК «Вагнер»». Автобусов, впрочем, здесь нет. Иногда за ожидающими подъезжают обычные легковые автомобили, в которые они грузятся по три-четыре человека. Из-за моста со стороны воинской части то и дело выходят новые группы мужчин с сумками. Все здоровые бороды, хотя явно не все спортсмены — у многих над ремнем нависает солидное брюшко.

— Вы из ЧВК? — спрашиваю у троих в песчаного цвета флисах. Они-то точно из «Вагнера»: на рукавах нет шевронов.

— Чего хочешь? — отвечает, затягиваясь сигаретой, мужчина с небольшим шрамом у левого глаза.

Решаю, что говорить нужно прямо, но наемник, только услышав слово «журналист», сразу качает головой: «Не-не-не, иди в часть — может, там что-то скажут. Мы без комментариев».

У шлагбаума воинской части в Молькино — поразительный «досмотр». Дежурный лишь спрашивает меня, куда я иду, и, услышав про «Вагнер», говорит: «Вот по этой дорожке, потом направо — там их КПП». С 30-литровым рюкзаком за плечами, в который при желании все что угодно можно засунуть, я прохожу на военный объект.

КПП «Вагнера» — еще один шлагбаум и накрытая маскировочной сеткой будка. Мне навстречу выходит подтянутый мужчина лет тридцати с автоматом наперевес и в панамке. Настроен он добродушно. Но услышав, что я из СМИ, также качает головой.

— Нет, брат, никто не будет тебе давать комментарии.

А ВОООЩЕ ПОКАЖИ, ЧТО «ВАГНЕР» СВОИХ НЕ БРОСАЕТ: ВОТ МЫ УЖЕ И ГАЗОН СТЕЛИТЬ НАЧАЛИ, И ПАМЯТНИКИ СТАВИМ. — ОН УКАЗЫВАЕТ НА «ЗУБЫ ДРАКОНА»

— Может быть, вы спросите у командиров?

— Командиров нет, а те, что есть, давать комментарии не будут.

— Могу я оставить свой контакт?

— Нет, никому твой контакт не пригодится.

Он просит меня не задерживаться на КПП и идти обратно к мосту. Под мостом, пытаюсь вслушиваться в разговоры военных (впрочем, не имеющие большой ценности), снимаю объявления: «Требуются разнорабочие. Зарплата от 1000 до 1500 + % в день. Комфортное бесплатное проживание»; «Приглашаем на прохождение службы по контракту. На СВО (удостоверение ветерана). Все выплаты по страховке. ЗП 350 000 в месяц + единовременная выплата 200 000».

За этим делом меня и окликают двое в натянутых до носа банданах.

— Брат, а ты чего тут делаешь?

Приходится честно отвечать снова.

— Ну ты уж покажи, что снимал. Ты же сам понимаешь, куда пришел.

Спорить бесполезно: мы под мостом, вокруг военные и наемники. Отдаю телефон. Один из моих новых «братьев» чуть повыше, и у него темные короткие волосы, у второго, кажется, волос нет вовсе. Оба широкоплечие.

— Ну ты, брат, зачем вот это снимаешь? — показывает лысый мне кадры со стоящими под мостом людьми. — Ну так ведь нельзя. Это же наши братья, а у него (показывает на одного из людей на видео) лицо не прикрыто. Его ведь опознают и что-нибудь плохое с ним сделают. Зачем тебе это нужно?

— Да мне и не нужно, чтобы с кем-то что-то плохое сделали, — развожу руками.

— Ну вот и кадр этот тебе не нужен, значит. — Он заботливо вычищает с мо-

его телефона штук десять видеозаписей, после чего просит показать содержимое рюкзака. — Пауэрбанк, еще пауэрбанк, тут у тебя что? Загранник? Это ты хорошо. Это нужно. Аптечка, — усмехается. — Жгут Бубнова есть? — Он и его товарищ заходятся хохотом. — Ладно, вижу, что нет. Сигареты есть хоть?

— Нет.

— Ну ты пропадь! — Он отдает мне рюкзак.

— Могу идти?

— Ну, брат, ты чего? Зачем тебе идти? Ты тебя с комфортом сейчас отвезем.

В этот момент становится действительно страшно, но и выбора, кроме как выполнять все требования, у меня нет. Лысый уходит в сторону парковки, и через минуту ко мне и темноволосому подъезжает белый Solaris с полным водителем лет сорока. Садятся на задние сиденья, разрешая мне сесть на пассажирское спереди. Всю дорогу они не говорят ни слова, да и дорога занимает не больше трех минут. Машина тормозит

у автозаправочной станции на выезде из Молькино.

— Ты уж, брат, не сердись. Но возвращайся, когда мы уедем. Ты же знаешь: 30-го числа, — говорит лысый на прощание.

«Зубы дракона»

Глупо было предполагать, что на кладбище «Вагнера» не будет бойцов частной военной компании. Но именно это я и предположил. Наемников хоронят в станице Бакинской, предместье Горячего Ключа. И за последний год благодаря им местное кладбище сильно разрослось.

Невысокая черная ограда отделяет захоронения бойцов ЧВК от гражданских. Кладбище наемников разделено аллеями на две части. По левую руку — обычные, пусть и плотно стоящие друг к другу могилы с крестами. По правую (и в это сначала не верится) — пирамиды, похожие на «зубы дракона»: такие же, какие устанавливали на границе с Украиной, но серые, с эмблемами «Вагнера» и именами похороненных под ними. Впрочем, лежат ли под пирамидами люди, непонятно: «зубы дракона» устанавливают на ровной песчаной площадке, трое рабочих из Центральной Азии затаскивают их и устанавливают рядами.

На столбах освещения — флаги «Вагнера» и России. В центре кладбища — мемориал: высокий черный камень с эмблемой ЧВК и надписью: «Здесь захоронены бойцы ЧВК «Вагнер», погибшие за Родину. 2022–2023». У мемориала меня окликает грубый мужской голос.

— Чего ты снимаешь? — кричит человек в камуфляже, идущий с дальнего конца кладбища, раскинувшегося на площади размером с футбольное поле.

Жду, когда он подойдет. Мужчина оказывается немолод, позже он скажет, что ему «скоро полтос». Но сначала наш разговор совсем не ладится.

— Я из похоронной бригады «Вагнера», — говорит он тоном, требующим уважения. — Кто разрешил снимать?

— А на это нужно разрешение? Тут вроде открыто, — указываю я на ворота.

— Ты попал на камеры. Зачем ты снимал венки?

— Это запрещено?

Вновь приходится объяснять, что я журналист. Боец требует паспорт и удостоверение. Фотографирует их, затем

скидывает по WhatsApp кому-то из «старших». Ему перезванивают.

— Ага, ну да, ну вот ходит, снимает могилы... Ага, понял, — говорит он в трубку. Завершает звонок. — Тебе дают разрешение снимать. Только чуши не неси. Интервью я давать не буду. И рабочих не снимай. А вообще покажи, что «Вагнер» своих не бросает: вот мы уже и газон стелить начали, и памятники ставим. — Он указывает на «зубы дракона».

В Бакинской хоронят преимущественно тех бойцов, у которых нет родственников или от которых родственники отказались. Читаю надписи на могилах. Александр Дитятев прожил 32 года. На надгробии не указано, но в 2011 году он был приговорен к 23 годам лишения свободы. Александр Корхалев погиб в 51 год, сидел за убийство. Вячеслав Кочас четыре года назад получил 18 лет колонии за убийство. Погиб 25-летним.

Здесь лежит много людей, которые сами востребовали смерть и оказались востребованы ею раньше времени.

— Кладбище, наверное, больше не будет расти, — говорит мне сотрудник похоронной бригады. — Я сам думал поехать в Украину, но здоровье уже не то. В Сирии был, три раза мог не вернуться. Больше не хочется рисковать, не в моем возрасте. Теперь за парнями смотреть буду.

— Вы думаете, «Вагнер» не вернется в Горячий Ключ?

— Все зависит от намерений руководства страны. Передислокация — дело серьезное.

— Передислокация? То есть бунт был хитрым ходом?

— «Марш справедливости» был «маршем справедливости». Но интервью я тебе не даю.

Уроки послушания

Сергей отдал «Вагнеру» немного — всего три месяца, из которых месяц провел в учебке. Убыл по ранению. Ему все еще нелегко ходить.

Вообще-то у него вполне мирная специальность, связанная с добычей нефти. Но глядя на спецоперацию, он решил, что даже ездить на северную вахту — дело недостаточно мужское. И подписал контракт.

Перед встречей он ставит условие: не то что не записывать — даже телефон с собой не брать. И реально просит показать карманы перед разговором. Он боится «Вагнера», и это неудивительно — все бойцы, с кем я пытался заговорить, отказывались от интервью. Им и раньше-то было запрещено общаться с журналистами без разрешения, а теперь, после бунта... Сергей считает, что его убьют.

Это, к слову, подтверждает и другой наемник ЧВК, давший интервью BBC: он также заявил, что за комментарии СМИ теперь «обнуляют». Для подразделения «Мед» ЧВК «Вагнер» мы вынуждены пояснить, что Сергей — не житель Горячего Ключа.

— Казни в «Вагнере» — это не выдумка, — говорит он. — Хотя и не секрет: если вы помните видео, где Пригожин вербует заключенных, то он об этом прямо говорит. За дезертирство, попытку бежать — расстрел. Никто за тебя не вступится. Бежать с позиций после этого не слишком хочется.

При этом Сергей не знает, действительно ли казнили кувалдой наемника Евгения Нужина, бежавшего в Украину. Они были в разных отрядах, хотя и оба — в пехоте.

— Там правила простые: если ты приходишь с гражданки — ты стрелок. Штурмовики нужны, потому что они заканчиваются быстро.

Сам Сергей говорит, что подписал контракт с «Вагнером», потому что думал, что там берегут людей, и ничего не знал о потерях. Сейчас он, как и Константин Никифоров, тоже называет цифры, отличающиеся от названных Евгением Пригожиным.

Он отказывается обсуждать конкретику, по которой его можно вычислить, но

соглашается рассказать об общих порядках в коллективе.

— Мне говорили, что люди идут в штурмовики «Вагнера», потому что просто не представляют опасности, — говорю я.

— Это так, да не совсем, — прерывает Сергей. — Все понимают, что такое окопная война. Но не все понимают, кто тебе противостоит. Когда я решил заключить контракт, было ощущение, что мы сломаем [украинцев] вот-вот. Первое, что с тобой происходит, когда ты приходишь на базу, чтоб поступить на службу, — у тебя отбирают телефон. С этого момента единственным источником информации для тебя становятся командиры. И 25 дней, пока идет подготовка, ты узнаешь, что наши сумели занять новые пункты, наши одерживают победы, наши собрали много трофейного оружия. И перед отправкой на передовую ты уверен, что враг не сегодня-завтра побежит. А потом ты сидишь в пятиэтажке в Артемовске и голову не можешь высунуть в проем, потому что все окна простреливаются. А в это время новобранцам рассказывают, что ты и твой рота движетесь вперед и берете квартал за кварталом. И так происходит ротация: одни воодушевленные дурачки погибают, вторые приходят им на смену.

Это же, как ни странно, описывал мне и Константин Никифоров, знающий порядки в «Вагнере» от своих друзей. Послушный и готовый на все боец воспитывается в тисках между рассказами об успехах и расстрелом за оставление поля боя.

Сгоревший дом
Андрея Панюшкина

— И в то же время если тебе удалось пережить месяц-другой, ты становишься частью коллектива. У тебя уже нет более близких людей, чем братья по оружию. На «передке» очень страшно, но предать сослуживцев ты не можешь. Мне до сих пор стыдно за свое решение не возвращаться. Хотя, может, еще и вернуться, — говорит Сергей.

Несмотря на то что в ЧВК новобранцам описывают не совсем реальную картину происходящего, Сергей уважает Евгения Пригожина и отмечает, что тот действительно часто приезжает к бойцам.

— С нами, рядовыми, он, конечно, не общается, но сам факт, что главный человек рядом, очень поддерживает. Я считаю, что он очень смелый. Как и Дмитрий Уткин, который руководил всей бахмутской операцией.

К слову, он опровергает и нехватку боеприпасов, по крайней мере говорит, что у пехоты точно и оружия, и снарядов было в достатке.

— Парни и сами не поняли, что произошло. Утром им скомандовали

построение и двинули почему-то от Луганска вглубь России. Никакого сопротивления они до Воронежа не встречали. В Воронеже подбили несколько их машин, но парни продавили. Дальше вы знаете. Мои все ушли в Ростов, там вообще ничего не происходило. Я не буду рассказывать детали.

Часть III Другой

Андрей Панюшкин — едва ли не единственный антивоенный активист в Горячем Ключе. Да и он теперь не в городе, а в далекой от этих мест Испании. Ищет политическое убежище и пытается собрать деньги на жизненно важную операцию. Ее можно было бы провести и в России, но возвращаться ему, собственно, некуда: его дом сожгли.

— Это произошло 3 декабря прошлого года. Уехал я еще в сентябре — на фоне [частичной] мобилизации. И к октябрю, достаточно прочувствовав воздух свободы, возможно, опрометчиво рассказал все, что я думаю о происходящем сейчас в Украине. Я это рассказал в конфиденциальной беседе своим соседям. А на следующий день — это было, по-моему, в середине октября — мой приватный разговор был опубликован в городских пабликах. И весь город узнал о моей позиции.

Панюшкину начали поступать угрозы. По его словам, «лидеры групп поддержки фронта» стали писать ему, чтоб он не воз-

— Наш город маленький. Зарплата в 20–30 тысяч считается за благо. И люди шли в ЧВК по совокупности факторов: во-первых, из-за патриотизма; во-вторых, из-за денег. Здесь разделяют идеи «русского мира», а участие в заграничных командировках, скажем так, — это хороший и постоянный источник дохода. И соответственно, я могу предположить, что то, что мои соседи меняли машины раз в полгода и имели деньги на то, чтобы заниматься капитальным строительством, связано с тем, что, полагаю, они сотрудники. Контрактов их я не видел, но по крайней мере, один из них почему-то частенько бывал в Сирии...

Популярность «Вагнера» в сравнении с армией, по предположению Панюшкина, связана с тем, что в ЧВК «больше денег платят и меньше бюрократии».

— И еще вокруг «Вагнера» есть какая-то приключенческая романтика. Они как будто корсары или солдаты удачи. У них же даже слоган есть: «Наш бизнес — смерть, и бизнес идет хорошо». Конечно, с уходом «Вагнера» — и это не только я так думаю — многие жители Горячего Ключа, станиц Саратовской, Бакинской, хутора Молькино потеряют экономически. Уход, скажем так, «высокооплачиваемых специалистов» станет потерей для экономики, потерей для рынка недвижимости, для строек, для всего. Мы знаем, что после этого «похода справедливости» на Москву пропаганда поменяла свой вектор в отношении «Вагнера». Но жители Горячего Ключа по-прежнему высказываются публично в соцсетях в поддержку ЧВК,

вращался. Но в начале декабря у Андрея появилось желание приехать домой. Он написал об этом пост и даже назвал дату. Тут-то все и произошло.

— Утром я написал, что возвращаюсь. А вечером, в 20.00 по Москве, мне позвонили соседи со словами: «Андрюха, у твоего дома горит крыша». Честно говоря, у меня была надежда, что поскольку от пожарной части расстояние небольшое, меньше километра, приедут пожарные и все быстро потушат. Но, к сожалению, за четыре часа они не смогли потушить дом. У одной пожарной машины не хватило воды, вторая якобы где-то застряла. Он сгорел полностью.

Андрей отмечает, что поджигатели действовали грамотно: за несколько часов до пожара они обесточили камеры наблюдения, и теперь найти их не могут, хотя и ищут ли — большой вопрос.

Панюшкин, конечно же, соглашается, что Горячий Ключ поддерживает спецоперацию. И говорит, что «Вагнер» здесь популярен как нигде.

называют ее одним из наиболее боеспособных подразделений. Они по-прежнему на стороне «Вагнера».

На пути из Горячего Ключа в Сочи снимаю на телефон проезжающий мимо грузовой состав с нефтепродуктами. Пожилая пара, сидящая напротив, прерывает меня: «Чего вы снимаете?» Люди, конечно, боятся, что вслед за мной прилетит какой-нибудь дрон, и страх этот понятен. Заводим короткую беседу.

— Ну и тему вы нашли. Неужели больше рассказывать не о чем? Снимите лучше о нашей природе что-нибудь, о море, о горах, о Псекупсе, — ворчит женщина.

За окном бьет ослепительно-яркий солнечный свет. Зелень в горах, несмотря на июльский зной, свежа. И тысячи отдыхающих заполняют побережье Черного моря.

Иван ЖИЛИН, «Новая»
Фото автора

В ночь на 17 июля украинские беспилотники атаковали Крымский мост. Повреждения получил один из пролетов — он буквально навис над водой, сойдя с опоры. В момент детонации по нему ехала на своей «Тойоте» семья из Старого Оскола: Алексей и Наталья Кулики, а еще — их 14-летняя дочь. Взрослые погибли. Девочка сейчас в больнице.

После инцидента Минтранс заявил, что теперь на полуостров можно проехать через территории, которые Россия присоединила в сентябре прошлого года. Сообщили об этом едва ли не как о новой удобной возможности. Спокойно. Так, будто за узким Чонгарским проливом, отделяющим Крым от Херсонской области, не начинается зона боевых действий, где ежедневно рвутся снаряды и обрываются человеческие жизни.

Тем не менее теперь это действительно безальтернативный автомобильный путь на полуостров. Чего ждать на дороге, как говорить с вооруженными людьми на блокпостах, где остановиться на ночь, если не успел добраться до Ростовской области? Об этом «Новой газете» рассказал водитель маршрутного такси, который ежедневно возит людей из Мариуполя в Симферополь и обратно.

Михаилу 52 года. Уже 15 лет он работает таксистом: сначала ездил по маршруту Мариуполь — Киев, потом, когда Россия пришла в Крым, стал ездить на полуостров: направление это оказалось более прибыльным, ведь альтернативы частным перевозчикам на нем не было. Да и теперь три ежедневных автобуса из Симферополя не вмещают всех желающих. Михаил берет 4000 рублей с человека за поездку. В его минивэне 8 мест. Везет только до Мариуполя, и даже после трагедии на Крымском мосту в Ростов возить людей не собирается — рынок перевозок в «ДНР» поделен строго, и в Ростовскую область из Мариуполя ездят другие таксисты.

— Я теперь, наверное, по 8000 брать буду, — усмехается Михаил. — Брата вашего из Крыма валит... все места до 25 июля заняты. Сегодня [17 июля] вез людей на чемоданах — такая паника в глазах... Мост взорван, отдых испорчен — сорвались домой внепланово. Вместо пляжа — запорожские степи, блокпосты, проверки документов, БМП перед тобой тащится. Вместо восьми часов в дороге — все тринадцать. И это мы еще рано выехали — потом пробки, говорят, такие образовались — у-у-у... Голодные все, я говорю: «Может, остановимся поедем?» Они: «Нет, вези быстрее». Но в Бердянск все равно заехали — это они трясутся, а я-то мариупольский, ко всему привык, и мне жрать хочется. В Бердянске вышли, озираются — страшно. А чего там страшного-то? По городу уже месяц прилетов не было.

Здесь Михаил прав лишь отчасти: последние взрывы в Бердянске слышали 5 июля, то есть за 12 дней до подрыва Крымского моста. Но по информации российских властей, это были «вылеты», а не «прилеты» — работала ПВО.

— Безопасности гарантировать мы не можем: ни я, ни другие перевозчики. Безопасности могут гарантировать только мошенники. Ну, может, власти — да и то только если московские или киевские. Не Пушилин же с Сальдо тебе будут ее гарантировать — что от них зависит? — смеется таксист. — Но я уже сколько катаюсь — не бомбят эту дорогу: для Украины мы — свои граждане, для России — свои.

Водитель маршрутки Михаил — в регулярном рейсе из Крыма в Мариуполь по присоединенным к России территориям

Андрей СЕМЕНОВ

«БЕЗОПАСНОСТЬ

МЫ ГАРАНТИРОВАТЬ НЕ МОЖЕМ»

РОССИЯНАМ ПРЕДЛАГАЮТ ЕЗДИТЬ В КРЫМ И ИЗ КРЫМА ЧЕРЕЗ ЗОНУ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ. КАКОВО ЭТО — РАССКАЗЫВАЕТ ВОДИТЕЛЬ МАРШРУТКИ, СОВЕРШАЮЩИЙ ТАКИЕ ПОЕЗДКИ ЕЖЕДНЕВНО

И все же здесь идет ***, здесь даже не тыл, а прифронтовая зона. Тыл это у вас, за Москвой.

Вот как Михаил формулирует первое правило для тех, кто решится ехать в Ростов через присоединенные территории: «Риски невелики, но осознавать их нужно. Это будет нервный день, но почти наверняка к вечеру вы окажетесь в безопасности».

— Самое худшее, что предстоит увидеть, — это Мариуполь. объехать его невозможно. Но все, что осталось от города, вам придется смотреть. В конце концов, это займет не больше часа — пока пересядете в другое такси и выедете из города. Походите к психологу, если впечатлительные, — цинично заключает таксист.

Первое, что нужно отложить в голове: предстоящая дорога — лотерея, но с довольно высокими шансами без происшествий добраться до Ростовской области.

Наиболее сложный этап поездки, по словам Михаила, начинается сразу на выезде из Крыма: на контрольно-пропускном пункте между полуостровом и Херсонской областью. Обычно там просят всех выйти из машины, показать содержимое сумок и документы, объяснить цель визита на «новые территории». Тех, в чьих намерениях сомневаются,

отправляют на «фильтр» — в стоящие рядом с контрольно-пропускным пунктом будки, где сотрудники ФСБ проводят индивидуальные допросы (как говорят, не слишком приятные, но сводящиеся лишь к психологическому давлению — без рукоприкладства). На таких допросах могут спрашивать: «Куда и зачем вы направляетесь?», «Где вы работаете?», «Есть ли у вас родственники или знакомые в Украине?», «Как вы относитесь к спецоперации?»

Впрочем, скорее всего, «фильтр» вас не коснется: после подрыва Крымского моста пограничникам дано распоряжение облегчить режим проверок, дабы не создавать пробок.

— Прохождение границы с восемью пассажирами [17 июля] заняло у меня три минуты. Даже из машины выходить не пришлось: просто посмотрели паспорта, пробили всех по базам и отпустили дальше, — говорит Михаил. — К тем, кто едет на своих авто, внимание может быть пристальной, но от мужиков [других таксистов] слышал, что после 15 часов стали вообще всех быстро пропускать.

По дороге из Крыма в Ростов будут стоять блокпосты, но проверки на них проводятся выборочно, и подавляющее большинство автомобилей минует их без остановок.

— Конечно, если вооруженный человек приказывает тебе остановиться, то сделать это нужно, — говорит Михаил. — Подойдут, проверят документы. Могут попросить показать содержимое багажника. Спорить и возмущаться не надо. Не надо просить представиться — никто тебе своего имени называть не будет и лица не покажет. Твоя задача — просто

проехать эту трассу, и [выделяющихся] здесь не любят.

На контрольно-пропускном пункте «Весело-Вознесенка», отделяющем «ДНР» от Ростовской области, опять возможно прохождение через «фильтр», но вероятность этого по-прежнему невысока.

Второе, что нужно отложить в голове: вооруженные люди вряд ли проявят к вам интерес, но если и проявят — спорить с ними не надо.

И, наконец, самая мелочь — ваш комфорт.

Первое, с чем придется смириться, — дорога будет долгой. Да, от границы Крыма до «Весело-Вознесенки» всего 366 километров, но желающих ехать много, и местами придется постоять в пробках. Михаил в понедельник доехал до Мариуполя за 13 часов вместо привычных восьми. От Мариуполя до Ростовской области нужно проехать еще 68 километров, а до ближайшего крупного ростовского города, Таганрога, — 103.

Комендантский час, запрещавший гражданским передвижение по улицам с 11 вечера до 4 утра, в «ДНР» отменен, однако силовики все равно не рекомендуют ездить ночью: военное положение сохраняется, вас могут по ошибке принять за диверсантов. Если вы понимаете, что не успеваете выехать из зоны военной операции до темноты, лучше остановиться в одном из населенных пунктов: в Кирилловке, Приморске, Бердянске или Мариуполе. Там есть гостиницы и сдаются посуточно квартиры. Стоят они (по крайней мере, пока) недорого: в среднем около 2000 рублей за ночь.

Иван ЖИЛИН,
«Новая»

«ТЕХ, В ЧЬИХ НАМЕРЕНИЯХ СОМНЕВАЮТСЯ, ОТПРАВЛЯЮТ НА «ФИЛЬТР», ГДЕ СОТРУДНИКИ ФСБ ПРОВОДЯТ ДОПРОСЫ

ДОЛГОВАЯ ПОВИННОСТЬ

ХОЗЯЕВА СВОЕМОУ СЛОВУ
И ЧУЖОЙ СУДЬБЫ

25 июля Госдума сразу во втором и третьем чтениях подняла верхнюю границу призывного возраста с 27 до 30 лет. Обещанное же ранее (и принятое в первом чтении) повышение с 18 до 21 года нижней границы призывного возраста не состоялось. Как не состоялось и обещанное ранее поэтапное повышение призывного возраста — оно произойдет сразу, уже с 1 января 2024 года. По сути, депутаты обманули общество, мотивируя это просьбой неназванных граждан о возможности прямо со школьной скамьи надеть сапоги. Что называется, хозяева своему слову: сами дали слово — сами и взяли его обратно.

Параллельно депутаты приняли поправку, запрещающую выезд призывников из страны с момента вручения им повестки или размещения в некоем реестре записи о том, что повестка считается врученной. И увеличили с трех до 30 тысяч рублей штраф за неявку по повестке в военкомат.

Ударно поработали, принимая, по сути, законы военного времени без его объяснения.

Возражая тем, кто предлагал освободить от призыва тех, у кого трое несовершеннолетних детей или ребенок-инвалид, глава думского комитета по обороне генерал Андрей Картаполов употребил слово, за которое обычных граждан обвиняют в «дискредитации»: заявил, что закон «написан под большую войну», которой «уже пахивает».

Тревожный симптом, учитывая неплохое верховое чутье у высокопоставленных думцев.

О том, что надо повысить призывной возраст, заявил министр обороны Сергей Шойгу, выступая 21 декабря 2022 года на расширенной коллегии Минобороны, которую проводил президент Владимир Путин. Предложил «при комплектовании Вооруженных Сил поэтапно увеличить возраст призыва граждан с 18 до 21 года, а предельный — повысить до 30 лет».

Тогда все тот же генерал Картаполов, комментируя предложение, убедительно объяснял, почему это правильно.

Потому что «если подняли с 18 до 21 (нижнюю границу призывного возраста. — Б.В.), то логично, что верхняя граница поднимается до 30».

Потому что «если сейчас в армию приходит паренек, который окончил 11 классов, который, кроме мамы с папой и боль-

ПОЧЕМУ ПРИНЯТЫЕ «ПРИЗЫВНЫЕ» ПОПРАВКИ —
ЛУКАВСТВО И ВРАНЬЕ

Набирать рекрутов проще, чем создать привлекательную для граждан систему военной службы

Петр КОВАЛЕВ / ТАСС

шой соски, в жизни ничего не видел, то теперь в армию пойдет взрослый человек, который давно окончил школу, который получил профессию и жизненный опыт, который стал самостоятельным».

Потому что «у него уже, скорее всего, будет профессия, и значит, его будет проще определить в армии по военной специальности».

Потому что «люди будут приходить в Вооруженные Силы более взрослыми и подготовленными, качество призывного контингента повысится, а значит, и повысятся боевые способности Вооруженных Сил».

И потому что в этом «единственный смысл этого мероприятия».

14 июня закон был принят в первом чтении, а потом концепция стремительно изменилась: появились поправки ко второму чтению, сохраняющие нижнюю границу призывного возраста в 18 лет.

На вопросы: как же так, вы же говорили прямо противоположное? — генерал Картаполов ответил, что об этом «просил народ» (правда, письма от «народа» предъявить отказался). И что «эти поправки никоим образом не препятствуют тому, чтобы в армию шли взрослые люди с жизненным опытом, но при этом остается возможность пойти служить и вчерашним школьникам, которые очень этого хотят». Мол, «почему мы должны ограничивать их в правах?».

Это совершенно неприкрытое лукавство, потому что в законе не написано, что человек сам выбирает, когда ему удобнее пойти служить по призыву. Это определяет Минобороны и военкомат, рассылающий повестки. И речь идет не о ПРАВЕ человека пойти служить, которое он может реализовать, а о его ОБЯЗАННОСТИ, которую государство возлагает на него по своему усмотрению.

Заметим, что точно по такой же логике оправдывает поправки о повышении призывного возраста и спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко: они, мол, «по сути ничего не меняют», но «дают молодым людям выбор».

Матвиенко заявляет, что всего лишь «расширяется срок, в течение которого гражданин может исполнить долг и отслужить в армии», и это «дает больше возможностей (...) в наиболее удобное время для человека, исходя из его жизненных обстоятельств, пройти в службу в армии».

НАДО ВСЕ СИЛЬНЕЕ ЗАКРУЧИВАТЬ
МИЛИТАРИЗАЦИОННЫЕ ГАЙКИ —
ПОД РАЗГОВОРЫ О ДОЛГЕ ГРАЖДАН
ПЕРЕД ГОСУДАРСТВОМ

И что она не видит «причин для избыточной, излишней ажитации или резонансности вокруг этого закона».

Для того чтобы не увидеть эти причины, надо иметь очень специфическое зрение. О чем вы, Валентина Ивановна? Какое «наиболее удобное время», если это время определяет вовсе не гражданин?

Пришла повестка — отправляйся в военкомат. Под угрозой (для начала) повышенного штрафа за неявку.

При этом повестка (по новым правилам) считается врученной через неделю после того, как условный товарищ майор из военкомата занес в свой «реестр» сведения о том, что она отправлена почтой. Или через неделю после того, как повестка в электронном виде направлена через сайт Госуслуг.

И совершенно неважно, действительно ли получил гражданин эту повестку или в глаза ее не видел. Но с этого момента (как, опять же, 25 июля установила Госдума) гражданину запрещают выезд из страны. А еще через 20 дней (если не придет в военкомат) — запрещают распоряжаться своей недвижимостью и водить автомобиль.

Это называется внесудебным ограничением конституционных прав. Но, похоже, никого в Госдуме это не беспокоит.

Надо все сильнее и сильнее закручивать милитаризационные гайки — под разговоры о долге, который лежит на гражданах перед государством.

О том, сколько долгов накопилось у государства перед гражданами, которые оно охотно себе прощает, депутаты предпочитают не вспоминать.

И пьесу «Ромул Великий» Фридриха Дюрнематта вряд ли кто из них читал.

Где написано знаменитое: «Мы столько раз жертвовали собой для государства, что пора бы государству пожертвовать собой для нас».

И последнее. Если говорить о «просьбах от народа» не повышать нижнюю планку призывного возраста, то, как напомнили Картаполову питерские журналисты, многие годы люди писали обращения и подписывали петиции с требованием отменить призыв и оставить только службу по контракту. Но их Госдума не услышала.

На это генерал ответил с прямотой древнего римлянина: «К нам такие обращения не поступали, а те, кто пишет такие обращения, по моему мнению, это те, кто льет воду на мельницу наших оппонентов, которые никак не заботятся об обороноспособности нашего государства».

Вообще-то о контрактной армии говорят уже много лет, и в Госдуму направлялось множество обращений на эту тему.

НАДО ВСЕ СИЛЬНЕЕ ЗАКРУЧИВАТЬ
МИЛИТАРИЗАЦИОННЫЕ ГАЙКИ —
ПОД РАЗГОВОРЫ О ДОЛГЕ ГРАЖДАН
ПЕРЕД ГОСУДАРСТВОМ

И соответствующие поправки в законодательство предлагались, когда в Госдуме еще была фракция «Яблоко».

И даже поправки в Конституцию об этом «яблочниками» были разработаны — в 2020 году.

Но все это упорно отклонялось: набирать рекрутов проще, чем создать привлекательную для граждан систему военной службы.

А ведь когда-то, в 1996 году, переход к полностью контрактной армии обещал президент Борис Ельцин — к весне 2000 года.

Но весной 2000 года появился президент Владимир Путин.

Борис ВИШНЕВСКИЙ,
обозреватель «Новой»

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМИ АГЕНТАМИ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ) ИРИНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ И ИНОЗЕМЦЕВЫМ ВЛАДИСЛАВОМ ЛЕОНИДОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ) ИРИНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ И ИНОЗЕМЦЕВА ВЛАДИСЛАВА ЛЕОНИДОВИЧА

ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ — О ТОМ, КАК «ГРОВОВЫЕ» И ДРУГИЕ ВЫПЛАТЫ ИЗМЕНИЛИ ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ

Игорь ЕВДОКИМОВ / Коммерсантъ

«СМЕРТОНОМИКА»

Экономист и социолог Владислав ИНОЗЕМЦЕВ* подсчитал: жизнь одного российского военнослужащего «стоит» сегодня 15 миллионов рублей. Многие из них не заработали таких денег за всю трудоспособную жизнь. Страна адаптировалась к «военным рельсам» и научилась неплохо ехать по ним. Куда она в итоге приедет, Иноземцев рассказал «Новой».

— Вы подсчитали, что жизнь военнослужащего, а точнее, его смерть сейчас стоит до 15 миллионов рублей, и многие из солдат за весь остающийся у них период трудоспособности столько не заработают. А откуда именно такие цифры?

— За последние 12 месяцев Кремль серьезно пересмотрел денежные выплаты военным. Когда спецоперация началась, на личный состав не предполагалось очень сильно тратиться. Единственной мерой в первые недели было введение президентской выплаты в пять миллионов рублей. Причем это делалось так, что было не до конца ясно: она вводится вместо обычной выплаты в три миллиона, которая и ранее была предусмотрена в случае гибели военнослужащего, либо сверх этих трех миллионов. Это был первый шаг, на котором все остановилось в марте 2022 года. Говорилось о том, что воюют контрактники, но их зарплата пересмотрена не была и оставалась достаточно низкой: официально, по статистике, — порядка 42 тысяч рублей для рядового.

— Реально для рядового это было меньше.

— Да, многие эксперты говорили, что было меньше. С учетом удержаний, налогов и прочего — 30–35 тысяч. Вот с этим Россия [в спецоперацию] и вошла. И дальше началось постоянное увеличение сумм. Когда случилась мобилизация, мобилизованным тут же пообещали кучу всяких плюшек.

Сначала много говорили о единовременной выплате в момент частичной мобилизации. Называли какие-то безумные суммы — до 600 тысяч рублей. Практически они никогда не выплачивались, реальная сумма в момент мобилизации доходила максимум до 250 тысяч, но опять-таки не везде и не всегда. Потом унифицировали ежемесячное денежное довольствие мобилизованным на уровне 195 тысяч рублей. И тут выяснилось, что контрактникам зарплату не повысили и мобилизованный получает в несколько раз больше, чем они. Этот разрыв ликвидировали в ноябре, контрактники стали получать столько же, сколько мобилизованные.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».

как это устроено

Можно сказать, что так эта новая система сложилась. С одной стороны, есть выплаты ежемесячные, с другой — выплаты в случае ранения и в случае смерти. Последние складываются из нескольких компонентов, и тут есть официальная сумма, объявленная, а есть то, что выплачивают. Что выплачивается абсолютно точно — это всегда пять миллионов «президентских». Плюс к этому — стандартные три миллиона.

— Это страховые?

— Нет, это единое пособие, выплачивавшееся еще в десперационный период и сейчас переключавшееся в новое время. Страховка идет отдельно, но там больше формальностей. Плюс к этому есть еще региональные надбавки, зависящие от благополучия регионального бюджета: от миллиона до трех.

Есть еще отдельная тема, которую я вообще старался не трогать, потому что мы не знаем, как долго она будет работать и насколько успешно: это выплаты всякого рода пенсий и пособий родственникам и детям. Формально предполагается, что это должно продолжаться долгие годы, пока жива вдова, пока дети не доросли до 21 года, но это сейчас сложно обсуждать. Хотя, например, если мы посмотрим на любые западные страны, то процентов 75–80 выплат приходится именно на эти суммы. Если гибнет военнослужащий, допустим, в Америке, то первоначальные выплаты — это всего 100 тысяч долларов, что по американским масштабам очень

ужасались и умилялись? В действительности не только «Вагнеру». На самом деле в российской армии все эти годы, когда принимались программы вооружений и Путин рассказывал про возрождение вооруженных сил, перекося в сторону закупки военной техники, создания инфраструктуры и прочего был огромен по сравнению с денежным довольствием военнослужащих, которое росло очень медленно. Срочники вообще практически ничего не получали, они и сейчас получают очень мало — две тысячи рублей. Контрактники получали зарплату, которая официально была меньше средней по стране. Казалось, что контрактная армия может в принципе существовать за счет того, что люди находятся на государственном довольствии. Считалось, что если кто-то зарабатывает 35 тысяч и служит 2,5–3 года, то он получает свой миллион рублей к концу контракта, и эти деньги — хорошая путевка в жизнь на гражданке. На самом деле это, конечно, не совсем так, и деньги были не самым завлекательным моментом в армии.

— Главным завлекательным моментом были, как мне говорили сами военные, не зарплаты. Помимо желания обеспечить себе трудоустройство и заработок, не прикладывая особых усилий на получение образования, таким моментом была военная ипотека, возможность по окончании 20-летней выслуги получить квартиру. И эти квартиры военным, эта ипотека — тоже достаточно большие расходы на армию.

«У ВЛАСТЕЙ В ГОЛОВЕ ПРОИЗОШЕЛ ЩЕЛЧОК, И ОНИ РЕШИЛИ, ПО СУТИ, ВСЮ АРМИЮ СДЕЛАТЬ НАЕМНОЙ. ЕСЛИ РАНЬШЕ ГОВОРИЛИ, ЧТО ВОТ, МОЛ, НАЕМНИКИ ЗАРАБАТЫВАЮТ КУЧУ ДЕНЕГ, ТО СЕЙЧАС ТАКОЙ СДЕЛАЛИ ВСЮ АРМИЮ. ДРУГИХ МОТИВОВ ПОЙТИ В АРМИЮ У НАРОДА НЕТ»

немного, но зато потом его жена и дети начинают получать военные пенсии, которые составляют несколько тысяч долларов в месяц.

Фактически отличия российской системы от западных сводятся к тому, что выплаты, по крайней мере на бумаге, перекошены в сторону одномоментных. Я вижу в этом один из элементов поворота всей российской системы в сторону милитаризации. Путин пытался сделать саму «запись» людей в армию более приемлемой с точки зрения социальных гарантий.

— Выгодной?

— Более выгодной, чем раньше. На самом деле сложно сказать, как это влияет на решение пойти в армию. Но по косвенным данным что-то сказать уже можно. Прошло 10 месяцев после начала частичной мобилизации. Мы не знаем точной статистики, сколько людей отправилось в армию после суммы 2022–2023 годов, но так или иначе, судя по сообщениям, российская армия достаточно активно ведет боевые действия в Украине, на некоторых участках наблюдается большая концентрация живой силы. Когда Шойгу говорит о том, что особого дефицита кадров на низовом уровне в армии нет, это, наверное, не совсем так, но некий элемент истины в этом есть. То есть они сумели справиться с недостатком...

— ...живой силы.

— Да, живой силы. Я думаю, что за счет и этих условий в числе прочего.

— Деньгами подманили?

— Да. Помните, Путин говорил о том, сколько денег перевели «Вагнеру», все

МОБИЛИЗОВАННЫМ ТУТ ЖЕ ПООБЕЩАЛИ КУЧУ ВСЯКИХ ПЛЮШЕК. НАЗЫВАЛИ КАКИЕ-ТО БЕЗУМНЫЕ СУММЫ — ДО 600 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ. РЕАЛЬНАЯ СУММА ДОХОДИЛА МАКСИМУМ ДО 250 ТЫСЯЧ, НО ВСЕ РАВНО ЭТО БЫЛО БОЛЬШЕ, ЧЕМ У КОНТРАКТНИКОВ

выплатить людям деньги, другое — создать инфраструктуру, нормальные условия для жизни в армии, нормальные казармы, жилье, обеспечение и так далее. Россия — страна коррупционная. Когда вы просто перечисляете человеку раз в месяц некую сумму, то тут коррупционные потери есть, то минимальные. А что касается, например, обустройства военных городков — это совершенно другое, тут воровать можно на всех уровнях. Думаю, до конкретных исполнителей, до тех компаний, которые должны проводить строительство и ремонт, если доходит половина — это уже счастье. Я абсолютно убежден, что люди об этом знали, что деньги на это выделялись, но почему результата не было — это вопрос ко всей нашей армейской системе. Это самая коррупционная часть российской экономики.

Вы правильно говорите, что люди шли не за зарплатой, они шли за квартирами. Люди, имевшие доступ хоть к каким-то финансовым потокам, шли за распилом. Просто в армии это было заметнее, чем где бы то ни было в России.

— Получается, что сейчас довольно много семей стало получать достаточно большие деньги. Причем происходит это в беднейших регионах, где такие перемены особенно видны. Заметно ли уже по российской экономике, что в ней появились такие «новые русские»?

— Нужно говорить не только о выплатах, но и вообще в целом об идущей такими темпами милитаризации. Самое интересное, что стоит покопаться, и выяснится, что это эффекты милитаризации последних лет. Деньги были огромные, в общей сложности — под 20 триллионов рублей, то есть больше тогдашнего годового бюджета, но результаты этого процесса были весьма неоднозначными.

Официальная статистика 2019 года говорила: на тот момент в России производилось и модернизировалось — это любимая фраза наших чиновников — приблизительно 250–300 танков в год. Как правило, 2/3 уходило на «модернизацию», будем считать, что производилось примерно 100 танков в год. Один «Уралвагонзавод» — это примерно шесть-семь танков в месяц. В любом случае, это количество не менялось годами, что бы ни предпринималось. Мы помним рассказы про танк «Армата», про истребитель Су-57 за безумную цену, много было разговоров о том, чего мы достигли. Были произведены разнообразные опытные образцы, но в серию пошло очень мало из того, что делали такой витриной «военного возрождения». То, что прои-

зошло за последний год, меняет ситуацию радикальнейшим образом.

— А пока вот это все происходило — 100 танков в год, 20 триллионов рублей и так далее, видели ли вы, что это как-то влияет на уровень жизни в стране? Это же производство, которое потом никак не «мультиплицируется», то есть танк уже больше никакому производству не помогает, его только подбивают или он ломается.

— На уровень жизни в стране это влияло очень мало. Потому что масштаб коррупционных расходов был очень велик. Чтобы это повлияло на уровень жизни, деньги должны доходить до производителя, они должны превращаться в реальные заказы, увеличивающие объем производства. Помните, в первые месяцы спецоперации в России объявили о работе в три смены на военных заводах?

— Объявили, да.

— Трехсменной работы не достигли, но две смены появилось много где. А для этого надо нанимать дополнительных людей, надо платить большое количество сверхурочных, если люди работают в ночную смену или в выходные. На том же «Уралвагонзаводе» производство за этот год выросло в шесть-семь раз.

— Оно реально так выросло или только по отчетам?

— Выросло реально.

— Эти танки в какой-то момент будут уничтожены, то есть дальше никакой прибыли никому не принесут. Того, что танки производили, покупали металл, платили зарплату, уже достаточно, чтобы это влияло на экономику?

— Конечно. Как ни цинично это звучит, для экономики самое выгодное — чтобы продукт, произведенный в отчетном периоде, как можно быстрее утилизировался. Производители айфонов через несколько лет перестают поддерживать обновление софта на старых моделях, вынуждая людей покупать новые. Этот искусственно ускоренный технический прогресс во многих отраслях имеет те же последствия, что действия ВСУ. В одном случае вы выкидываете телефон, ставший несвоевременным, в другом — танк. И то и то для производителя большая радость: будут новые заказы, новые инвестиции, да и смежникам отлично.

Пока, на мой взгляд, влияние на экономику, обусловленное увеличением военных заказов, более существенно, чем то, что происходит за счет увеличения выплат военнослужащим.

— Военные действия — это выгодно?

— Ограниченные — да.

— Ограниченные чем?

— На начало любых военных действий, которые не затрагивают в значительной части вашу территорию, экономики всегда показывали высокую динамику. Вспомним вступление США в Первую и Вторую мировые войны: все показатели резко возрастали.

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМИ АГЕНТАМИ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ) ИРИНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ И ИНОЗЕМЦЕВЫМ ВЛАДИСЛАВОМ ЛЕОНИДОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ) ИРИНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ И ИНОЗЕМЦЕВА ВЛАДИСЛАВА ЛЕОНИДОВИЧА

← СТРАНИЦЫ 14-15

Мы воспринимаем абстрактную войну в категориях советского времени, когда война — это катастрофа, когда все переходит на военные рельсы, вводятся продуктовые карточки, народ работает по 14 часов в день, у станков стоят дети и так далее. Это — чисто советская война. Для любой другой воюющей страны на протяжении последних 100 лет такой ситуации не существовало.

В Первую мировую войну фронт стоял в 100 километрах от Парижа, но во Франции никто не голодал, а промышленность работала на полную мощь. Через 20 лет американская экономика по большому счету окончательно вышла из Великой депрессии только благодаря размещению военных заказов в конце 1930-х годов. В стране, ведущей ограниченные военные действия, где государство увеличивает военные расходы, не может не наблюдаться экономического подъема. Тут не то что Россия, но и Украина демонстрирует ту же динамику. Только у нас деньги дает правительство, финансируя спецоперацию за счет внутреннего долга, а Украине их дают союзники, направляя Киеву военную и финансовую помощь.

— У России нефтегазовых и других доходов все меньше, в бюджете денег меньше, там дефицит. Этот внутренний долг — его же все равно надо где-то брать и как-то гасить?

— Вероятно, его финансирует в конечном итоге Центральный банк, то есть это в значительной мере нарисованные деньги.

— Разве от этого не должно быть жуткой инфляции?

— Это вопрос количественного объема эмиссии. За первое полугодие дефицит бюджета составил 2,6 триллиона рублей, это около 3% ВВП. Такие цифры в течение нескольких лет поддерживать не проблематично. Инфляция 1993—1994 годов, напомним, происходила на фоне бюджетного дефицита, превышавшего 10% ВВП и к тому же в условиях разваливавшихся экономических связей и паралича целых отраслей. А в период «путинского бума» 2000—2007 годов инфляция в России превышала 11% в год, а экономика и благосостояние росли. Так что я сейчас отнюдь не считал бы инфляцию самой большой угрозой.

— Выплаты военным и их семьям — это своего рода аналог западных «вертолетных денег» во время ковида. То есть деньги, которые падают независимо от трудовых затрат.

— Абсолютно так. Падают эти «вертолетные деньги» — растет уровень жизни в регионах, связанных с ВПК. И сегодня очень хорошо видно, как в российской экономике лучше всего растут регионы, работающие на оборонку.

— То, что в 1990-е умирало.

— А сейчас очень быстро восстанавливается. Но эффект от этого не такой, как в СССР. Сколько погибло солдат?

— Шойгу говорил — около шести тысяч, давайте будем верить Шойгу.

— Вот Шойгу я поверить не могу... Даже если бы было много больше, это все равно меньше 0,1% населения. Фонд зарплат в РФ в 2021 году — около 60 триллионов рублей в год. По самым-самым оптимистичным меркам, если Минобороны будет платить всё и за всех, кто погиб, пропал, ранен, на это потребуются около триллиона рублей в год — 1,5% от всего денежного дохода населения за год. То есть сама по себе такая сумма не сдвинет инфляцию.

— Это вы говорите про «гробовые», но есть же еще регулярные зарплаты участникам спецоперации. Раньше человек получал 20 тысяч рублей или вообще не работал, пошел — получает 200 тысяч.

— Да, такой момент есть. Но сколько людей сейчас на фронте? Пусть 300 тысяч. Да, зарплаты у них очень высокие, эти люди и их семьи о таких даже мечтать не могли. Но и 300 тысяч человек — это намного меньше 1% населения. Максимум только одна из 100 семей в России связана с получением этих выплат. Но когда производители хлеба и молока продают свой товар, они ориентируются на общий совокупный спрос, а он сильно не поменялся.

В каком-нибудь маленьком провинциальном городишке будет, допустим, 200 семей мобилизованных. Цены в магазинах не начнут скакать от того, что каждый сотый человек может заплатить больше. И раньше было много состоятельных людей, но это не вызывало запредельного роста цен.

В то же время общие доходы населения не очень выросли. Правительство сейчас индексирует зарплаты и пенсии на величину инфляции, чтобы у людей не возникало ощущения, что жить стало сильно хуже. Но у них и сейчас примерно такая же покупательная способность, как и раньше, поэтому и производители не могут бесконтрольно повышать цены. Конкуренция никуда не делась: если вы повысите цену на свою ряженку или колбасу, то люди пойдут и купят другую ряженку и другую колбасу.

— Слушаю вас — и прямо хочется поблагодарить правительство за это наше счастье. Очень удачная получилась страна... А в целом уровень жизни людей — на нем как это счастье отражается? Уровень жизни — это же не только товары, это и медицина, образование, это всё, что называют человеческим капиталом. Вот на нем спецоперация как отражается?

— На нем это слабо отражается пока. При этом в России складывается большая социальная группа тех, кто заинтересован в продолжении спецоперации. Это работники военных заводов, которых в стране, по отдельным оценкам, около двух мил-

«СМЕРТОНОМИКА»

как это устроено

Сегодняшние авральные меры в экономике порождены необходимостью сделать так, чтобы народ не вякал. Если бы не было спецоперации, индексации были бы гораздо ниже

Пётр КОВАЛЕВ / ТАСС

лионов человек. Это и предприниматели, работающие в секторе, а доходы и откаты тут гораздо выше, чем в среднем по экономике. В России возникает новый олигархический класс, заинтересованный в милитаризме. Нам часто говорят: скоро наступит разочарование населения, люди увидят снижение уровня жизни и пойдут протестовать. Я этого не жду. Объективно большого снижения уровня жизни в России сейчас нет. Что касается снижения расходов на образование и медицину, то его пока в явном виде не происходит. Есть снижение, но оно несущественное.

— То есть урезанный на 5% бюджет на здравоохранение — это несущественно?

— Российское здравоохранение обеспечивается в основном не из бюджета, а из фонда ОМС. А его траты в этом году, 3,22 триллиона рублей, более чем в 10 раз превышают расходы федерального бюджета на нацпроект «Здравоохранение» — 311 миллиардов рублей. И если говорить об образовании и здравоохранении, я отмечу не столько снижение финансирования, сколько падение качества услуг за счет бюрократических новаций и депрофессионализации работающих в этих отраслях специалистов.

— Получается, что рост за счет расходов на спецоперацию раскручивает экономику, но делает это с сильным перекосом и на ограниченное время?

— Конечно.

— А на какое время?

— На весь период конфликта. Выход из конфликтов для рыночной экономики всегда сопровождался большими проблемами. В США конец Первой мировой войны вызвал рецессию 1920—1921 годов. В России сокращение государственных вливаний в ВПК и армию вызовет тяжелую «ломку». Путин говорит, что российская экономика растет на 1,5—2% в год, но это абсолютно дутые цифры. Если вкладывать дополнительно 4% ВВП в виде бюджетного финансирования, а получать на выходе 2% роста, это значит, что без такой подпорки экономика падала бы на 2—3%. Вкладывая деньги, вы порождаете искусственный рост. Такая политика не ведет ни к какому долгосрочному развитию, потому что вы закончите спецоперацию — и эти 800 танков в год вам будут не нужны.

— Вот я все время хочу спросить, как же тогда получилось, что СССР разва-

лился на гонке вооружений. То есть и сейчас будет что-то похожее на позднесоветский период, когда на выходе из холодной войны остановились оборонные предприятия?

— Отчасти, но надо корректировать прогнозы с учетом масштаба военных трат. Во времена холодной войны советская экономика была перекошена безумно. При этом никогда в США (а я думаю, что и в Европе) ни одна крупная корпорация не была чисто военной. Для 10 крупнейших подрядчиков Пентагона доля военных заказов в общей выручке составила в 2018 году 46%. Если начать сокращать военный заказ, это повлияет на многие компании, но ни одну из них не убьет. Даже если компании потеряют треть военного заказа, их выручка сократится на 15%. Это большой объем потерь, но не смертельный. В России в том же 2018 году десять крупнейших поставщиков Минобороны получали от его заказов 86% своей общей выручки.

— Поэтому я и вспомнила про СССР.

— В СССР доля военного сектора в экономике составляла, по разным оценкам, примерно 15% ВВП. Сейчас в России это намного меньше.

— Даже прямо сейчас меньше?

— Конечно. Если брать уровень до 24 февраля 2022 года, то военная система не обходилась дороже 3%.

— А сейчас?

— Сейчас эти значения могли вырасти максимум вдвое.

— Так их же еще наращивают. Они же хотят еще кучу гражданских предприятий, как говорят, «переводить на военные рельсы».

— Здесь есть все-таки предел. Не будут производить по пять тысяч танков в год и не мобилизуют миллион человек.

Я думаю, что сейчас мы вышли на некое плато. В начале спецоперации терялась военная техника, произведенная раньше и лежавшая на складах, а в 2023 году основная причина роста расходов на вооружение — в том, что большие потери в технике надо компенсировать. Поэтому оборонный заказ резко вырос. Но я не думаю, что он может вырасти еще вдвое.

— В любом случае, с этой иглы экономике когда-то слезать придется. Насколько болезненной будет «ломка» для тех, кто уже привык получать с этого профит?

— Будет болезненной. У России фактически ликвидированы все источники потенциального роста. Санкции привели к тяжелой ситуации с нефтегазовыми доходами, они уже упали на 45% по сравнению с прошлым годом и на таком уровне останутся. То есть сейчас вливание денег в экономику позволяет не чувствовать падения статистически. Если подпорку убрать, я думаю, что года три снижения ВВП России гарантированы. Не радикального, но наверняка.

— Как это почувствуют люди? Не статистически, а именно на людях это как скажется? «Снижение ВВП» — это для среднестатистического человека абстрактные слова.

— Думаю, люди почувствуют это умеренно. Сегодняшние авральные меры в экономике порождены необходимостью сделать так, чтобы народ не вякал. Я говорю в том числе и об индексации пенсий и пособий. Если бы не было спецоперации, индексации были бы гораздо ниже. Долгие годы индексации не достигали даже официального уровня инфляции, а теперь они стали даже чуть выше, чтобы народ понимал: у нас все хорошо.

Как только спецоперация закончится, все индексационные выплаты начнут падать, я думаю, вдвое, они будут покрывать 50—60% от инфляции. Плюс свернуто будет, пусть частично, производство на военных заводах. Видимо, два-три миллиона человек сильно потеряют в зарплате. И надо готовиться к тому, что средние денежные доходы будут снижаться на 2—3% в год в течение трех лет.

— Получается, что «весь советский народ как один человек» заинтересован в том, чтобы спецоперация шла как можно дольше.

— Как ни странно, заинтересованы в этом действительно очень многие. Повторю банальный тезис: с экономической точки зрения людям в России сейчас нечем быть недовольными. Это было совсем не так весной 2022 года. Если у Путина хватит драйва продолжать увеличивать расходы бюджета в условиях дефицита год, два или три, удерживая контроль над инфляцией и не допуская сильного падения рубля, спецоперация будет оставаться выгодной многим.

— Какой кирпичик из этого надо вытащить, чтобы это перестало быть выгодно?

— Здесь есть только один такой «кирпичик»: все это не дает эффекта.

— Эффект их, я так понимаю, не интересует, если вы говорите об эффекте на будущее.

— Я имею в виду эффект чисто военного свойства. Если вы танков производите больше, а победы не наступает, вы понимаете, что с этим надо что-то делать, надо как-то договариваться и из всего этого выходить.

— Зачем, если они от этого только богатеют и радуются?

— Все имеет стратегические цели. Если они не достигаются, их пересматривают.

— По вашим словам получается, что никто и не должен хотеть, чтобы стратегические цели были достигнуты. То есть и их достижение, и окончательное недопостижение бенефициарам спецоперации невыгодны одинаково.

— Правильно. Поэтому я хочу еще раз повторить: что Путину удалось за эти полтора года, так это то, что экономический ужас от ... [спецоперации] прошел. Он остался в некоторых отраслях, и то уже не настолько сильный. А появилось ощущение, что с этим можно жить, и даже неплохо.

— Украине предстоит гораздо более масштабное восстановление экономики, запуск большого числа производств. Будет ли это неким самораскручивающимся механизмом? То есть станет ли это само по себе подстегивать рост? Она ведь тоже сейчас сидит на военной «игле».

— Нет, украинская экономика сидит на «игле» западной помощи. Сегодня не меньше трети всех бюджетных расходов в Украине обеспечивается прямыми западными вливаниями. Сейчас украинское правительство свою социальную сферу не финансирует вовсе, этим занимаются западные доноры. Военная промышленность Украины сегодня работает активно, но все равно она не определяет облик украинской экономики. В рыночных ценах до 2022 года украинская экономика составляла около 200 миллиардов долларов. Военные расходы Украины были издевательски малы и чуть ли не сокращались, составляя 3,5—4 миллиарда долларов в год. Сейчас одни только поставки вооружений за последние 12 месяцев составили не меньше 40 миллиардов. Для Украины послевоенное восстановление будет обеспечено помощью Запада.

Западная помощь никуда не денется еще несколько лет. Плюс наверняка пойдут программы с учетом будущего вступления в Евросоюз. Плюс явно будут какие-то элементы «плана Маршалла», пусть не очень большого. То есть, я думаю, Украина будет получать после окончания военных действий чистый финансовый трансферт минимум в 20 миллиардов долларов в год на протяжении многих лет. Это, конечно, не очень много по сравнению с оценкой ущерба в триллион. Но на территориях, сейчас контролируемых Киевом, этот ущерб значительно меньше. Если Украина не вернет себе территории, то ее экономика быстро пойдет вверх.

— А если вернет?

— Если вернет, то они камнем повиснут шее украинской экономики. Тогда Запад может найти схему, чтобы профинансировать восстановление Украины из замороженных российских активов. Я думаю, что тема восстановления Украины, тема тамошней налоговой политики и вообще все, что будет происходить с украинской экономикой, станет самой горячей темой второй половины 2020-х годов.

Ирина ТУМАКОВА*,
спец. корр. «Новой»

* Внесена властями РФ в реестр «иноагентов».

«НЕЛЬЗЯ ПРЕВРАЩАТЬ В БАЛАГАН

СУДЬБУ СВОЕГО ПОДЗАЩИТНОГО»

Светлана ВИДАНОВА — «Новая»

О РОЛИ ЖЕНЩИН В МИРЕ МУЖЧИН, ПРОКУРОРЕ, КОТОРЫЙ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ, И НЕТЕАТРАЛЬНОМ АБСУРДЕ «ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЛ» ГОВОРИМ С АДВОКАТОМ КСЕНИЕЙ КАРПИНСКОЙ

Она становилась звездой прямо на моих глазах. Три года первого «театрального дела» дали уникальный опыт: опыт состязания неравных сторон, борьбы с шагами за сценой, упорства человеческого и профессионального. Поначалу казавшаяся застенчивой, она словно наливалась силой по ходу процесса, крепла ее устойчивость, оттачивались аргументы. Какими глазами ни наблюдать за ее работой — судебного репортера или театрального критика, — она была и остается заметным актором процесса. О том, что это такое — быть защитником в наше время в нашей стране, — говорим с адвокатом Ксенией Карпинской.

— **П**ервое «театральное дело» вас изменило?

— Ну, наверное, мне проще сейчас выступать. Хотя вначале очень страшно всегда, и сейчас тоже страшно, но уже не так. Помогает фактор публичности. И здесь не только «театральное дело». Я защищала мэра Урлашова, осужденного якобы за взятку, там была большая поддержка горожан. Он был единственным, кого реально осудили из всех моих клиентов, остальных всех как-то удавалось вытащить. А его не удалось.

— **Убийц защищали?**

— Один раз защищала, у меня было бесплатное дело: мужчина выпил у ларька и убил человека в драке. Случайное убийство, связанное со злоупотреблением алкоголем. Все видели, как он убил. И он признался.

— **Раскаивался?**

— Нет, вообще не раскаивался. Сложно было его защищать. Скостили ему срок в итоге. Но с тех пор я в принципе не готова защищать тех, кто совершил убийство. Конечно, адвокат должен

защищать всех, но, слава богу, ко мне убийцы не обращаются.

Выбор роли определила бабушка, Ирина Карпинская. Известный московский адвокат, она вошла в профессию в 46-м году и оставалась в ней полвека. И вот уже Ксения в адвокатуре почти 30 лет. Медаль Плевако, которой отмечают особые успехи «в защите прав и законных интересов граждан», ей вручал Генри Резник.

— ...В пять лет если меня спрашивали, что я делаю, я отвечала: «Жалобу пишу». Бабушка писала судебные жалобы, и я с ней заодно. Она была адвокатом по уголовным делам в советское время. Ездил по всей стране, горела своей ролью защитника. Я росла в семье, где она была безусловным авторитетом.

— **Что могло нравиться ребенку в деятельности адвоката?**

— Мне очень нравилось! Это же была старая адвокатура, блестящие люди. В старшей школе, в мои четырнадцать-пятнадцать, бабушка брала меня в суды. Там выступали известные московские адвокаты, на Платона ссылались. Это завораживало. В школе я все время боролась за справедливость, спасала каких-нибудь несчастных, дома мне внушалось, что справедливость — главное, и в конце концов это стало моей профессией.

Адвокатура тогда была небольшой корпорацией, все друг с другом были знакомы. И раньше собирались не в ресторанах, а дома, поэтому я с детства всех адвокатов знала. С моей бабушкой Генри Маркович Резник провел первое свое дело. С тех пор они дружили.

— **А каким было ваше первое дело?**

— Его я запомнила на всю жизнь, потому что прокурор отказался от обвинения. Первый и последний раз в моей жизни. Больше такого не было никогда. Несколько подростков, выпив, ходили по подъезду, один из них перепутал этажи и постучался в дверь со стеклом не на том этаже. Стекло разбилось, его судили и посадили на два года — за причинение вреда ЖЭКу. Я занималась апелляцией, в итоге мы доказали: никто из соседей не видел, что это он разбил, вышли уже на звон стекла. Прокурор отказался от обвинения, и парня выпустили. Лет двадцать, наверное, ему было.

— **Что самое тяжелое в работе защитника?**

— Самое тяжелое — понимать, что твой клиент невиновен, но он сидит в следственном изоляторе, смотрит на тебя и говорит: «Когда меня отсюда выпустят?» — а ты не можешь ничего сделать.

— **Походы в следственный изолятор — отдельный «бонус» профессии?**

ЛИНИЯ ЗАЩИТЫ

— Ужасное дело. Правда, сейчас улучшилась ситуация, потому что в некоторых изоляторах есть электронные очереди. Раньше это были огромные очереди, нужно было ночью караулить, чтобы попасть в следственный изолятор, были списки, кто-то их рвал, ограниченное число кабинетов... Целая история туда попасть. А там сидит человек, который тебя ждет, и у него, собственно, ты — единственное связующее звено с этим миром.

Красивая, уравновешенная, Карпинская поначалу может показаться обманчиво декоративной, но она из тех, кто замечает любую прореху в логике обвинения, «камнем падает» на сомнительные аргументы и умело «читает» судей и обвинителей. С кем-то держится так, что «ваша честь» выходит из себя и всех форматов, с кем-то устанавливает доверительные отношения. Несколько раз она так разделяла сторону обвинения, что у прокуроров горели уши. А судьи, менявшиеся по ходу дела «Седьмой студии», демонстрировали все возможные партии эмоций: раздражение/негодование, снисходительность/изумление, гнев/уважение.

— Красота помогает?

— Да нет! И женщинам всегда сложнее гораздо. Мужчины между собой лучше договариваются. Ну, иногда можно, конечно, подмигнуть следователю, чтобы получить разрешение на свидание...

— Самый трудный ваш адвокатский опыт? Когда вы чувствовали, что в отчаянии, в тупике?

— В отчаянии я была только один раз — с Алексеем Малобродским. Он сидел в СИЗО 11 месяцев. Наконец даже следствие уже попросило изменить меру пресечения. А мне в этот момент вручали медаль Плевако в Колонном зале Дома Союзов, и Генри Маркович Резник перед всем залом сказал, как я билась-билась и добилась — Малобродского выпускают. На следующий день прихожу в суд, а Малобродского не выпускают. Это был абсолютный кошмар. И я Резнику звоню и говорю: «Не выпускают!» Он отвечает: «Этого не может быть. Суд не может выйти за рамки того, что просит следствие». — «Да, не может. Но его не выпускают. И вообще, я больше не хочу, не могу работать, забирайте медаль».

— Хотела бросить адвокатуру?

— Ну а Генри Маркович мне сказал: «Знаешь, наша профессия такая: нужно биться головой о стену, и она когда-нибудь пробьется».

— Есть непереносимый набор качеств, которые должны быть у адвоката?

— Не знаю. Наверное, у каждого свой. Но те адвокаты, которых я знаю, уважаю, с которыми сотрудничаю, конечно, имеют определенный набор качеств. Мало того, что они отлично разбираются в деле, они никогда не делают из процесса фарс. Я следила за процессом Михаила Ефремова и не верила своим глазам и ушам, что такое вообще возможно в судебном заседании.

— Я там была.

— Уважающий себя адвокат не будет превращать в балаган судьбу своего клиента — никогда! Важно уважительное отношение к своему клиенту и к суду, несмотря ни на что. И ты должен обладать знаниями. Когда я поступала в адвокатуру, мы были стажерами целый год, у нас был патрон, который учил, как составлять досье, как себя вести в уголовных делах, как — в гражданских, как ты должен выглядеть в суде, чтобы олицетворять свою профессию. И конечно, должна быть ответственность, потому что есть сроки. Ты можешь пропустить, не успеть обжаловать постановление об избрании меры пресечения в течение

трех суток. Если забыл, пропустил — все, поезд ушел.

— Помню, как ваш подзащитный Алексей Малобродский на финальное заседание по делу пришел с рюкзаком, готовый к худшему...

— Конечно, мы всегда говорим: лучше возьмите на всякий случай этот «тревожный рюкзак», чем вы окажетесь без него. И даже когда есть уверенность в результате, это может не сработать, и тогда ты окажешься абсолютно неподготовленным и беззащитным.

— Что в этом рюкзаке должно лежать?

— Обувь без шнурков, потому что шнурки у вас заберут, удобная одежда, лекарства, потому что вы можете долго ждать, пока вам эти лекарства передадут, предметы гигиены. Правда, сейчас есть онлайн-магазины, где ваши родственники могут все необходимое заказать. И служба ФСИН принесет вам это в камеру. Теперь во ФСИН есть все что хочешь: ФСИН-склад, ФСИН-аптека, ФСИН-письмо.

— Серьезный комфорт. Есть у адвокатов свой кодекс?

Дело «Седьмой студии». Ксения Карпинская и Алексей Малобродский в суде

Влад ДОКШИН — «Новая»

— Есть. Кодекс адвокатской этики, он опубликован. Ты не можешь предать своего клиента, не можешь за деньги раскрыть адвокатскую тайну; если твои коллеги в суде что-то заявили, ты должен их поддерживать. Ты не можешь утверждать, что твой клиент виноват, если у него другая позиция... Длинный перечень.

— Страшно выступать против ФСБ? И вообще страшно бывает?

— Бывает страшно. Но я против ФСБ не выступаю.

— Вы сейчас выступаете против ФСБ.

— Формально дело Петрийчук и Беркович расследует Следственный комитет.

— ФСБ вообще не является стороной, которая выходит в суд?

— Нет, почему же. ФСБ рассматривает дела, связанные с государственной изменой, у ФСБ есть свое следственное управление. На самом деле, когда расследует ФСБ, в некоторых случаях это даже лучше.

— То есть?

— Более профессиональный подход.

Карпинская не раз оказывалась на стороне подсудимого, закона — и против государства. В нашей системе суд очень часто априорно на стороне того,

кто за кулисами процесса диктует приговор, поскольку обвинение, арест, суд становится наказанием за мирную деятельность. Таковы нынешние будни российского «правосудия», и адвокату в них нелегко.

— В адвокатуре есть понятие оппозиционности?

— Я считаю, что адвокаты не должны быть правозащитниками, несмотря на то что я очень уважаю правозащитников. Я считаю, что адвокат ни в каком случае не должен озвучивать свою политическую позицию. Защита конкретного человека — не плацдарм

ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРЕДАТЬ СВОЕГО КЛИЕНТА, НЕ МОЖЕШЬ ЗА ДЕНЬГИ РАСКРЫТЬ АДВОКАТСКУЮ ТАЙНУ. ТЫ НЕ МОЖЕШЬ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ТВОЙ КЛИЕНТ ВИНОВАТ, ЕСЛИ У НЕГО ДРУГАЯ ПОЗИЦИЯ...

— Существует в вашей профессии внутренний рейтинг, кто считается «олимпийцем»?

— Ну, главный у нас — Генри Маркович. Он «олимпиец». Для меня. Но есть много адвокатов, которых я уважаю.

— Муж у вас есть?

— Нет. Мы с ним разошлись лет восемнадцать назад. Он тоже был адвокатом.

— Мешало соревновательное начало?

— Да, это присутствовало, но на самом деле я ему благодарна. Если бы мы не разошлись, ничего бы из меня не вышло.

— А что было бы — ши, борщи?

— Ну, я была на втором плане всегда. В России андроцентричный мир...

— ...который так нравится Силантьеву, пресловутому эксперту по делу Петрийчук и Беркович.

— Именно. Мне свекровь как-то сказала: «Никогда не показывай, что ты вдруг заработала больше, потому что тогда ты ущемишь достоинство своего мужа». И я подумала, что так не хочу. Почему я должна врать самой себе, чтобы не пострадало достоинство моего мужа?

— Кстати, что определяет гонорар адвоката?

— По-разному. Когда я пришла работать в «Гриднев и партнеры», были определенные ставки, которые мы сами для себя определили: сколько у нас стоит час, консультация, небольшое дело, сколько стоит работа в месяц, если это большой проект. Была дифференциация в зависимости от сложности дела, от того, гражданское или уголовное это дело. Ну и опять же, есть дела, когда ты просто хочешь помочь. У меня сейчас есть такое дело, я его веду бесплатно. Pro bono это называется. Но теперь я уже могу сама выбирать, какое дело вести бесплатно и кому хотелось бы помочь.

— Давление приходилось испытывать?

— Мне? Нет. Никогда. Никто не давил и не угрожал.

— Бывает, что на адвокатов сильно давят?

— Бывает. Давили на тех, кто защищал Магнитского. Даже тогда, когда он умер.

— Что такое успех в адвокатуре? Ни одного проигранного дела?

Окончание —
СТРАНИЦА 20 ➞

← СТРАНИЦЫ 18-19

— Адвокатский момент триумфа?
— Оправдательный приговор, конечно, или решение по гражданскому делу в твою пользу. Выиграть дело гораздо важнее, чем получить большой гонорар. Но сейчас, когда человека выпускают, когда его не сажают, это уже, конечно, большая победа.

— Необходимо испытывать симпатию к своему подопечному? Если это не так, сможете его защищать?
— Смогу, но будет гораздо сложнее. Если вы не можете найти с клиентом общий язык, вам будет тяжело вместе в суде.

— Как менялось судопроизводство при вас?
— Ну, во-первых, право решать вопрос о мере пресечения передали судам, до этого он решался прокурором. Единично.

И мы вначале надеялись, что суд будет более тщательно, осмотрительно и щепетильно к этому подходить. Что будет состоятельность сторон. А сейчас оказывается, что суд вообще не вникает, дело изучать не хочет. И в основном все решения суда по мере пресечения выносятся как под копирку: «Обвиняемый скроется, продолжит заниматься преступной деятельностью, уничтожит доказательства...» Во втором «театральном деле» суд подозревает, что обвиняемые скроются и продолжат ставить спектакли и сочинять пьесы.

— Ощущение борьбы с ветряными мельницами знакомо?
— Давно знакомо. Сейчас параллельно с «театральным делом» у меня два других уголовных дела, и когда начинаешь вникать в их суть, понимаешь, что они созданы искусственно. И тут начинается борьба с ветряными мельницами. И всякий раз ты начинаешь изучать совсем другую реальность, совсем другие отрасли науки, техники и жизни, где это все происходит. И нужно в деле найти какую-то историю, за которую ты можешь зацепиться и начать ее раскручивать, и тогда тебе это помогает.

— Какая история у Петрийчук и Беркович?
— Простая. Петрийчук написала пьесу, Беркович поставила спектакль. Два года его показывали в маленьком зале. В декабре 2022 года было последнее представление. А потом эксперт Силантьев и его подчиненные провели «комплексную деструктологическую экспертизу», о существовании которой я узнала впервые. Это совершенно немыслимая антинаучная экспертиза, и к тому же ее автор стал щедро раздавать антисемитские комментарии. Меня просто потрясло, когда Силантьев сказал, что евреи должны пойти в халифат и там благополучно скончаться. Сразу захотелось это развалить.

— Вы азартный человек?
— Да.
— Где, кроме работы, это сказывается?
— Ну, я за любой кипеж, кроме го- лодовки. Если честно, меня всегда ин- тересовал вопрос: вдруг война, вдруг я не смогу собой детей закрыть, я трус. Но на

«НЕЛЬЗЯ ПРЕВРАЩАТЬ В БАЛАГАН СУДЬБУ СВОЕГО ПОДЗАЩИТНОГО»

Евгения Беркович
и Ксения Карпинская
в Замоскворецком суде

Михаил МЕТЦЕЛЬ / ТАСС

мою собаку недавно напала другая собака, стала ее рвать. И когда я кинулась на эту чужую собаку спасать свою, ничего не успев даже сообразить, поняла, что, наверное, все смогу.

— Как случилось, что вы снова вошли в новое «театральное дело» в роли защитника?
— Видимо, судьба. И второе — по своей сути еще больший абсурд. Если взять сейчас историю с Беркович и Петрийчук, единственное основание обоснованности подозрений — эта чудовищная экспертиза. Но суд говорит: обосновано! Потому

что так решил деструктолог Силантьев, выдумавший дисциплину и сам ее возглавивший. Ну сейчас вот назначили другую экспертизу — значит, услышали все же нас.

— Почему новая экспертиза будет в Свердловской области?
— Я не могу объяснить почему. На территории города Москвы большое количество государственных экспертных учреждений, которые могут такую экспертизу провести. Зачем ехать в Свердловскую область, неясно.

Более того, обвиняемые и их защитники имеют право присутствовать при экспертизе. Мы, например, выразили желание присутствовать, потому что наши подзащитные могут объяснить, что они имели в виду. Есть ряд вводных: это не листовка или плакат, или твит, это художественное произведение, в котором есть герои положительные и отрицательные. Опирающееся на вымысел и в равной степени на документ. И каким образом (об этом Женя Беркович на суде говорила) можно донести до зрителя посыл: терроризм — это плохо? Нельзя выйти на сцену и сказать: «Иди

в ИГИЛ* плохо». Никто не пойдет такой спектакль смотреть. Соответственно, нужно художественным образом это донести.

— Адвокатская интуиция подсказывает вам что-то?
— Моя адвокатская интуиция, например, подсказывала, что на последнем заседании их должны были отпустить, Петрийчук и Беркович. И обманула меня.

— Что защищает защитника?
— Желание победить. Выгорание, конечно, происходит. Но если ты не будешь остро реагировать, ты не сможешь вообще этим заниматься. И не надо ждать каких-то особых ответных реакций. С адвокатом тесно общаются, а потом лучше о нем забыть, потому что это не самые прекрасные воспоминания в твоей жизни. Может быть, я, конечно, идеалистка, но если ты не веришь, что твой подзащитный невиновен, — значит, ты не веришь в то, что делаешь.

Марина ТОКАРЕВА, «Новая»

* Запрещенная в России террористическая организация.

« МОЖЕТ БЫТЬ, Я, КОНЕЧНО, ИДЕАЛИСТКА, НО ЕСЛИ ТЫ НЕ ВЕРИШЬ, ЧТО ТВОЙ ПОДЗАЩИТНЫЙ НЕВИНОВЕН, — ЗНАЧИТ, ТЫ НЕ ВЕРИШЬ В ТО, ЧТО ДЕЛАЕШЬ

премьера рубрики: **акцент**

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Саруханов

ИСКУССТВО ГРОМОЗДКИХ АББРЕВИАТУР

МОЖНО ЛИ ЗАНИМАТЬСЯ КУЛЬТУРОЙ, КОГДА УМИРАЮТ ЛЮДИ?

«Д а ну вас на хер!» — так отреагировал главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов, когда мы с Ольгой Тимофеевой, редактором отдела культуры, предложили ему идею колонки о культуре. И в известном смысле он, конечно, был прав. Какой джаз, какие фильмы, книги и натюрморты в наши времена? L'art pour l'art плохо сочетается с кровавой бойней, избиванием журналистов и прочими ужасами, о которых вы, дорогой читатель, и сами осведомлены лучше нашего. Хороша картинка: вы просыпаетесь, первым делом берете в руки телефон, открываете Telegram и среди постов об очередном суде над политзаключенным вдруг наталкиваетесь на колонку Ивана Чекалова. Чему он нас (ну то есть вас, конечно же) учить собрался?

Ничему. Ничему решительно, бесповоротно и окончательно. Считайте эту мысль — нежелание поучать — центром этой колонки, ее основным посылом, главным statementом.

Я никого не учу. Я хочу научиться. Русский человек растерян, запуган, запутан. В Турции и Казахстане он чувствует себя ненужным, в Москве и Петербурге — неуместным. Мыслить прежними категориями невозмож-

но, новые некому сформулировать. Писать — да, но о чем писать? Говорить — но можно ли говорить, когда умирают люди?

Убивают людей.

Все его мысли — про одно. Все разговоры — тоже. Весь досуг — перелистывание новостей, вся работа — их чтение.

КУЛЬТУРА СПАСАЛА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА ТАМ, ГДЕ ЕВРОПЕЙЦА СПАСАЛО ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Жизнь, которую мы вели раньше, закончилась. Мир изменился. Но это не значит, что культура больше не нужна. Наоборот, она нужна как никогда.

Рим подарил нам право и акведуки, чтобы жил урожай, а с ним жил и город. Англия подарила суды и конституционную монархию.

Что подарила нам Россия? Абсолютизм? Крепостное право?

Культуру.

Культура спасала русского человека там, где европейца спасало гражданское общество. Культура помогала не забыть о достоинстве и чести.

Русское искусство нечем заменить. Наша культура сама себя вытягивает за волосы — из любого болота, раз за разом.

Но снова зададимся вопросом: можно ли заниматься культурой в наше время? Когда вокруг только и слышишь, что громоздкие аббревиатуры: СВО, ЧВК, ВСУ? Зачем творить?

Можно. Нужно.

Не будет лучшего времени начать.

Любое искусство политично в той мере, в которой политичен породивший его строй. В самые страшные годы сталинского террора и николаевских заморозков люди думали о несправедливости властей, рефлексировали, анализировали, размышляли. Оттепель проявляет результаты этих трудов. И одновременно — дарит возможность сочинять о другом, вечном, о том, что многократно значимее тиранического самодурства.

Думать о солдатах, об убитых людях, читать о власти и народе, синих пальцах

офицеров и до смерти запуганных срочниках мы уже научились. И не отучимся никогда. Именно поэтому — одновременно с этим — нам надо снова научиться жить. Видеть жизнь. Несмотря ни на что, сквозь пелену несвободы, уметь отыскать под метровым слоем снега трехсантиметровую луковицу подснежника. Пройдут месяцы, может, годы, мы раскопаем снег — и цветы распустятся тем ярче, чем внимательнее мы их лелеяли раньше.

Россия — страна Пушкина, а не Бенкендорфа.

Мысли о музыке, литературе и кинематографе требуют той же внимательности, что и письма в следственные изоляторы. Моя колонка будет о счастье, которое способен подарить культура. О том, что жизнь есть, была и будет, что она разноголоса и поет нам вразнобой. И нет лучшего способа услышать ее, чем купить пластинку Билли Холлидей, увидеть прекрасный букет мальвы или, в конце концов, выпить с друзьями «Нью-Йорк сауэр».

Культура — это ведь не только «Война и мир». Это еще и погладить рубашку перед выходом из дома.

И тогда в новой России, в очередной раз вытянувшей себя за волосы из мерзкого болота, мы сможем вместе послушать джазовый ансамбль.

Иван ЧЕКАЛОВ

**Я ЕДУ НА СОЛОВКИ.
ЧТО Я ЗНАЮ О НИХ?
ДОСТОВЕРНО — ТОЛЬКО
ОДНО: СОЛОВКИ —
СИМВОЛ БЕСПОЩАДНОГО
УНИЧТОЖЕНИЯ
ИНАКОМЫСЛЯЩИХ В РОССИИ.
МИЛЛИОН ЖИВЫХ ДУШ
ЗАБРАЛ ОСТРОВ, СТАВ
БОЛЬШИМ И ЗАБРОШЕННЫМ
ПОГОСТОМ**

РОССИЯ, СОЛОВКИ ПОПЕРЕК

100-летие со дня рождения первого российского института уничтожения несогласных — СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения) на острове, да и вообще в России, официальной датой памяти объявлено не было. Да и странно было бы ожидать этого. Зачем помнить о жертвах? Тем более вековой давности. Как оказалось, здесь не очень-то помнят и о живых. Около тысячи жителей постоянно живут на Соловках. Трудно живут.

На Соловки нынче едут туристы в основном за красотой острова и его окрестностей. Попасть сюда летом можно по морю. Два часа на теплоходе либо час на частном быстром катере — и вы на месте. Соловки поражают сразу — необъятной красотой и чудовищным даже по меркам российского захолустья бардаком, запустением и «неумытостью». Спустя три дня жизни тут становится очевидно, что местные жители будто остались заложниками того вроде уже сгнившего лагеря. У них плохо со снабжением, практически нет медицины, нет очистных сооружений, нет работы...

Дорог в понятном смысле слова тоже нет, а есть разбитые колеи с ухабами, вдоль которых можно пройти, утопая по щиколотку в песочной пыли. На автомобиле проехать здесь может только местный, знающий всю топонимику рытвин. Говорят, но кто ж теперь проверит, что монахи когда-то, еще до революции, мостили дороги местным камнем. Но когда

на остров пришло большое строительство, дороги раздолбили в прах.

Мой местный спутник Виктор показывает на дорогу: «Смотри, грейдер пригнали, будут ровнять. Значит, завтра кто-то из начальников придет, точно тебе говорю». На следующий день Виктор скажет: «Колокольцев (министр внутренних дел РФ. — Н. Ч.) приезжал отдыхать...»

Из современного и нового здесь только одно здание — Фонда возрождения Соловков, — которое местные называют «Сарай». Он действительно похож на большой, будто построенный из просоленного дерева сарай, выходящий фасадом на главную пристань. По сути, это большой конференц-зал для разного рода делегаций, чтобы было где с комфортом обсуждать судьбу Соловков. Вообще судьбу острова обсуждают вполне интенсивно сразу несколько ведомств — РПЦ, Минкульт, Минприроды... Идей, если почитать проекты, немеряно. Все прекрасные и духоподъемные. Зримый результат этих обсуждений — десяток стендов, выставленных вдоль «Сарая» с изображени-

ем проектов по «возрождению Соловков». По факту Соловки сегодня — место без современной инфраструктуры (то есть вообще без), с миллиардами закопанных денег, без хозяина и без единого доведенного до ума строительства.

Юрий Бродский, главный летописец и хранитель памяти Соловков и мой проводник по острову, скажет загадочную фразу: «Соловки — место самоидентификации всей России». У этой его максимы множество трактовок. Но главная самоидентификация современной России — это ее бесхозность. Страна ни власти, ни своему народу по большому счету не нужна. Психология временщиков — это очень по-соловецки.

Хотя вроде все проекты на бумаге по делу. В реальности же — пошлое до зубовного скрежета воровство и маниловщина. Например, здесь уже построено новое здание больницы. С виду большой, человек на сто корпус, похожий на те, что строили в пандемию в экстренном по-

специальный репортаж

Строительный мусор и канава
у замороженной стройки

фото автора

ПО ФАКТУ СОЛОВКИ СЕГОДНЯ — МЕСТО БЕЗ СОВРЕМЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ (ТО ЕСТЬ ВООБЩЕ БЕЗ), С МИЛЛИАРДАМИ ЗАКОПАННЫХ ДЕНЕГ, БЕЗ ХОЗЯИНА И БЕЗ ЕДИНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

ВСЕ УЛИЦЫ СОЛОВКОВ ПРОШИТЫ, КАК ФИРМЕННЫМ ПУНКТИРОМ, РАЗВАЛИВАЮЩИМИСЯ САРАЯМИ, ПОСТРОЕННЫМИ ВЕК НАЗАД

Типичные задворки
у жилых домов

фото автора

Заброшенная тюрьма
1939 года постройки

фото автора

рядке. По документам это больничка на 10 (!) коек и поликлиника при ней. При этом профильных врачей на Соловках нет. Их и не может здесь быть, потому что единственное жилье, которое могут предоставить местные власти молодому специалисту, — это квартирка на двоих в бывшем аварийном бараке. Общежития для врачей, что было бы логично, в проекте больницы не предусматривали. Кто на этих условиях поедет жить на остров? Никто и не едет. Строить больницу начали два года назад, стройматериалы и технику везли с материка. Вроде построили, но оказалось, что работать больница не может, так как ее надо подключать к канализации, у которой тоже трудная судьба. Однако на стройку уже потратили 203,2 миллиона рублей из федерального бюджета и еще около 310 миллионов — из регионального. Еще в Совете Федерации удалось добиться выделения транша в размере 360 миллионов. Плюсуюем все суммы — 800 миллионов на объект (население Соловков, напомним, — меньше тысячи человек). Перспектива открытия туманна.

Сейчас прием пациентов ведется в ветхом здании 1939 года постройки. Мой спутник Виктор говорит, что там не лечат никого, одни алкоголики лежат. Подойти ближе к стройке и рассмотреть, что же за суперклиника достанется соловчанам, не удастся: все огорожено и завалено строительным мусором.

С новыми очистными сооружениями, без которых больница работать не может, тоже не задалось. Трубы закопали на 70 сантиметров выше, чем положено. Объект заморозили. Прежний губернатор региона, Орлов, три года назад обещал, что брак будет быстро исправлен. Не сбылось. И местные экскурсоводы каждый раз, когда очарованные красотами туристы начинают чувствовать отчетливый запах нечистот, уверяют их, что это пахнут водоросли. Местные рыбу тут не ловят. Нечистоты по-прежнему уходят тоннами в Белое море.

Самое надежное жилье здесь — это бараки, построенные во времена становле-

ния СЛОНа для проживания заключенных и охраны лагеря. В аварийных, но все еще живучих, из потемневшего дерева домах живут люди. Из современного в этих жилищах — пластиковые окна с тарелками «Триколора». У одного такого бабушка рядом с самодельным прилавком продает хендмейд — вязаные мячики и авоськи. И еще сорванный тут же на обочинах иван-чай, запакотанный в пластиковые контейнеры стоимостью 150 «рз».

— Как вам тут живется? — спрашиваю у нее.

Она с недоверием смотрит на меня и с легким вызовом отвечает:

— А хорошо! Хорошая квартира, душевая кабина есть.

— А можно посмотреть?

Я не прохожу фейсконтроль: «Не, нельзя».

Бабушка не врет — самое удивительное не то, что жизнь в бараке ее устраивает, а то, что построенное сто лет назад жилье теплее, чем пара двухэтажных домов из 70-х. Кстати, однокомнатную квартиру в таком бараке «с печью и запасом дров», а также центральным отоплением продают за три с лишним миллиона рублей.

На Соловках нет супермаркетов, парикмахерских, фитнес-клуба. Магазины с крайне унылым ассортиментом. В бывших бараках, в небольших павильонах — сувенирные лавки. Самый главный общепит — монастырская трапезная с неадекватными ценами и одноразовой посудой. Общественных туалетов — ноль. Поэтому туристы находят выход из положения в высокой траве.

Если все же вспомнить про самоидентификацию России по Бродскому, то лично меня впечатлило то всеобъемлющее равнодушие, с которым местные жители относятся к своему острову. В поселке нет, вот реально нет ни одного благоустроенного места около жилья, а не на туристическом пятачке.

Соловки буквально завалены старой техникой, машинами, прицепами и контейнерами, которые застряли здесь будто на полдороге, и у хозяина дома не возникает даже мысли отволочь рухлядь хотя бы на

задворки участка. Старые ржавые пазики прорастают травой и становятся частью ландшафта — безнадежного и прекрасного одновременно. Двое мальчишек играют консервной банкой посреди пыльной дороги. Веселый чумазый мужик чинит во дворе своего дома с заваленным штакетником мотоцикл (другого слова не подобрать) марки Shumacher. Редкие приличные частные дома на окраине острова — это те, что хозяева оборудовали для посуточной сдачи туристам.

Все улицы Соловков прошиты, как фирменным пунктиром, разваливающимися сараями, построенными век назад. В сараях хранили дрова, рыболовецкие снасти. Сарай эти реально представляют угрозу, они рушатся на глазах, опадая кровлей и опорами, их так много, что возникает твердое ощущение: они природная часть ландшафта и признак «самоидентификации», когда все временное в России становится вечным.

Виктория, хозяйка сувенирного магазина, на мой вопрос, почему не убирают, иронизирует: «Некому. На Соловках нет таджиков».

На Соловках кажется, что все, что нужно для нормальной человеческой жизни, обречено. Даже и начинать не стоит. Один из самых провальных и дорогих проектов — Музей Соловков. Начинать строить в 2014 году с размахом. Размах не одобрило ЮНЕСКО, включившее остров в Список Всемирного наследия. Проект, по мнению экспертов, выглядел слишком громоздким и уродливым, и почти возведенный музей было предписано разобрать. На стройку и разбор потратили около полумиллиарда рублей. Но странное массивное строение из плохого красного кирпича, постепенно проседая в болотистый грунт, так и торчит на окраине. Здесь же брошена техника.

А знаете, какие строения на Соловках самые прочные? Монастырские. В XV веке строили (тавтологии не избежать) на века. И еще соловецкая тюрьма особого назначения. В 1938 году на Соловках было сооружено здание тюрьмы, спроектированное братьями-близнецами Борисом и Константином Минихами. Сами они были заключенными, строили тюрьму тоже сидельцы. Но уже готовое строение так и не стало узилищем — всех заключенных приказом НКВД вывезли с острова. Честно сказать, такой красивой тюрьмы — с легким готическим налетом, высокими окнами из кирпича двух цветов (красного и белого) — видеть не доводилось. Она на удивление хорошо сохранилась, хоть сейчас занимаясь внутренней отделкой и открывая что-то менее пенитенциарное — санаторий или больницу.

Проект для братьев Минихов стал последним — их расстреляли.

Единственное, чем наверняка могут похвастаться жители Соловков, — это баня. Баня новая и пока работает.

Наталья ЧЕРНОВА,
спец. корр. «Новой»
Соловки, Архангельская область

Продолжение следует

Версии исчезновения, выдвинутые администрацией кладбища и правительством города, одинаково нелепые и сомнительные. При этом они еще и не совпадают. Польская сторона не верит ни одному из объяснений.

Сегодня уже невозможно точно установить, когда на Левашовском мемориальном кладбище исчез памятник репрессированным полякам. Предположительно, это случилось несколько дней назад, но заговорили об этом только 22 июля.

— В минувшую субботу на Левашовском кладбище члены православного общества принимали гостей из Беларуси, и я от них получил фотографию пустого места вместо польского памятника, — сказал в интервью «Новой» историк кладбища.

Об инциденте Разумов сообщил СМИ. Новость дошла и до польского консульства в Петербурге, консульские работники немедленно выехали на место происшествия. Но в выходной день ни дипломатам, ни журналистам не удалось услышать объяснений ни от администрации кладбища, ни от Смольного.

К вечеру 23 июля члены правозащитного совета Петербурга направили обращение губернатору города Александру Беглову и председателю местного Законодательного собрания Александру Бельскому. В этом документе вкратце изложена история монумента:

«За полтора года Большого сталинского террора в 1937–1938 годах в Ленинграде по спискам с названием «Поляки» были расстреляны несколько тысяч человек. В память о погибших поляках член городского общества «Полония» Леон Леонович Пискорский задумал установить памятник. Пискорский был патриотом нашего города, помогал Даниилу Гранину и Алесю Адамовичу собирать материалы для «Блокадной книги». По замыслу Пискорского, памятник должны были установить в центре кладбища одновременно с русским православным... В День памяти жертв политических репрессий 30 октября 1993 года оба памятника были открыты и освящены по православному и католическому обрядам. На польском камне выгравированы слова по-польски и по-русски «Прощаем и простите нас».

И вот теперь русский православный памятник остался одиноким, польский демонтирован. Просим ответить на вопросы: кем отдано письменное или устное распоряжение о демонтаже польского памятника на Левашовском мемориальном кладбище? Кто исполнил данное решение? Где находятся части демонтированного памятника?»

К вечеру 24 июля никаких ответов (ни устных, ни письменных) правозащитники не получили.

Тем временем около полуночи 24 июля петербургские корреспонденты ТАСС со ссылкой на собственные источники в Смольном сообщили, что информация, опубликованная в некоторых СМИ, дошла до Беглова и беспокоила его.

«Губернатор дал профильным комитетам поручение разобраться... В ходе разбирательства установлено, что памятный знак стал объектом нападения вандалов. После изучения полученных повреждений было решено отплатить его на реставрацию», — сообщил собственный источник агентства в Смольном.

«Новой», как и многим другим петербургским СМИ, получить комментарии в правительстве города о судьбе польского памятника в течение дня 24 июля не удалось.

— Это сделали не вандалы, — уверен Анатолий Разумов. — У меня есть рабочая гипотеза, кто мог это сделать и как все происходило. Но поскольку гипотеза недоказуема, я не могу о ней говорить. Ничего нового в этом происшествии нет. В целом оно укладывается в общую сегодняшнюю картину, хотя это — слишком вопиющий случай, слишком видное место, слишком

«УБРАЛИ АБСОЛЮТНО ВСЁ!»

НА ЛЕВАШОВСКОМ МЕМОРИАЛЬНОМ КЛАДБИЩЕ В ПЕТЕРБУРГЕ ПРОПАЛ ПАМЯТНИК ПОЛЯКАМ — ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Анатолий РАЗУМОВ

Место, где был памятник репрессированным полякам, 23 июля 2023 года

значимый памятник. Но сама история не новая и в этом году уже не первая.

Исчезнувший памятник репрессированным полякам действительно продолжил череду подобных происшествий в Северо-Западном регионе. Так, еще в январе на мемориальном кладбище «Красный Бор» в Прионежском районе (в 19 км от Петрозаводска) члены польской делегации во главе с послом Польши в РФ Кшиштофом Краевским обнаружили разрушенный католический крест. Ответственность за уничтоженный знак памяти тогда также возложили на вандалов. В июле со стены крепости «Орешек» сняли мемориальную доску в честь поляков — заключенных Шлиссельбургской крепости. Власти оправдались тем, что доска «нуждается в реставрации». В феврале на том же Левашовском кладбище с памятника репрессированным украинцам исчезли слова «вечная память украинцам, безвинно убиенным».

— В случае с украинским памятником аналогично мотивировали: монументу нужен ремонт, мы проведем его и все вернем на место, — говорит Анатолий Разумов. — В итоге памятник репрессированным украинцам укрыли для ремонта, и он пока так стоит.

24 июля генеральный консул Польши в Петербурге Гжегож Слюбовски с коллегами вновь приехали на Левашовское мемориальное кладбище, чтобы возложить цветы на место бесследно исчезнувшего мемориала.

— Руководители мне объяснили, что памятник забрали на реставрацию, поскольку на него упало дерево, — рассказал «Новой» Гжегож Слюбовски. — Но это очень стран-

но. Если даже упало дерево на плиту или на крест и что-то там повредило, то почему убрали все?

24 июля генеральное консульство Польши в Петербурге направило официальную ноту в российский МИД.

В тот же день депутат петербургского Заксобрания Борис Вишневский послал обращения вице-губернатору города Борису Пиотровскому и начальнику ГУ МВД по Петербургу и Ленобласти Роману Плутину. У руководителя регионального полицейского главка парламентарий спрашивает, где фотографии, подтверждающие акт вандализма, возбуждено ли уголовное дело о вандализме?

Поздно вечером 24 июля Пиотровский пообещал Вишневскому поторопиться с ответом. Через несколько минут пресс-служба вице-губернатора распространила официальный комментарий Смольного:

«Один из памятников, установленных на Левашовском кладбище, был облит краской. Потребовалась реставрация. Как уже неоднократно говорилось, мы не воюем с монументами, а сохраняем их. Чего, к большому сожалению, нельзя сказать о наших

бывших братьях по оружию... Вынуждены с прискорбием напомнить, что начиная с 1997 года снесено порядка 450 памятников советским солдатам — освободителям Польши... Здесь важно отличать единичный случай от преднамеренной и целенаправленной политики по уничтожению исторической правды».

Таким образом, к концу дня 24 июля правительство Петербурга настаивало на том, что в демонтаже памятника виноваты вандалы с краской, а администрация кладбища твердила — упавшее дерево. В итоге две версии свел в одну директор Левашовского мемориального кладбища Валерий Артеменко, которому вечером понедельника дозвонились корреспонденты телеграм-канала «Ротонда»:

«Сначала там краской было намазано или какой-то другой фигней. Кто это сделал, не знаю — мы тоже не можем десять гектаров оббежать. А потом у нас упало сухое дерево — и прямо на крест. Сушняк упал. У нас же тут лес. И получилась такая вот ерунда», — оборвал разговор Артеменко, сославшись на то, что он за рулем и ему некогда.

— Я думаю, вскоре появится еще несколько версий со ссылками на какие-нибудь источники, — предполагает Анатолий Разумов. — Главное: к 30 октября — ко Дню памяти жертв политических репрессий — памятник должен быть восстановлен. К тому же в этот день исполнится ровно 30 лет с тех пор, как на Левашовском кладбище установили и освятили два этих памятника жертвам репрессий — русский и польский.

справка «НОВОЙ»

Левашовская пустошь под Петербургом была расстрельным полигоном НКВД. Всего на ней захоронено почти 45 тысяч жертв сталинских репрессий разных национальностей. Левашовское мемориальное кладбище было признано таковым в 1989 году. В 2015 году оно приобрело статус объекта культурного наследия регионального значения.

Нина ПЕТЛЯНОВА,
соб. корр. «Новой»

18+

Владимир Путин назвал Лаврентия Берия, который возглавлял НКВД в 1938–1945 годах и проводил массовые репрессии, героем, которому СССР обязан был появлением атомного оружия. Путин заговорил о расстрелянном после смерти Сталина Берии на форуме «Вычисления и связь. Квантовый мир» после того, как его участник, вспомнив скульптуру Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», решил поговорить о символах 1937 года. Когда выступающий спросил Путина, можно ли называть ученых героями нашего времени, президент включил в их число начальника чекистов. «Каждое время требует своих героев, — сказал Путин. — Если уж вспомнить 37-й год, то это началось с Лаврентия Павловича Берии, который возглавлял атомный проект и имел отношение отчасти и к ракетному проекту». Фамилий великих ученых, работавших над атомным проектом, президент не назвал.

«Он здесь не золото добывал: ему были созданы условия»

Глава Магаданской области Носов, недавний мэр Нижнего Тагила, человек из бизнеса, доктор экономических наук, как-то заявил: «Мы никогда, даже во времена царской России, не уничтожали людей за инакомыслие. В этом, кстати, и сила нашего народа. Необходимо эту традицию терпимого отношения к другому мнению сохранить...» И привел дикий пример: «Один из самых знаменитых заключенных Колымы — Сергей Павлович Королев. И он здесь не золото добывал: ему были созданы условия, и он работал в своем направлении».

Во время отбытия срока Королев потерял 14 зубов, его избивали, у него быстро прогрессировали цинга и пеллагра, он лежал пластом и медленно умирал... Как он в этих условиях «работал в своем направлении», «готовился к полету в космос»?

С Ярославом Головановым, автором лучшей биографии Королева, я когда-то делил кабинет в одной редакции. Однажды он отправил запрос в Магаданское управ-

ление исправительно-трудовых учреждений с просьбой сообщить подробности пребывания в здешних лагерях С.П. Королева. И получил ответ, с которым бегал по коридору, показывая каждому встречному. Гр. Королев С.П., было написано в ответе, действительно содержался там-то и там-то с такого-то по такое-то. О дальнейшей судьбе гр. Королева С.П. ничего не известно.

«Они — единственные в мире!» — восхищенно кричал Голованов...

В НКВД была своя табель о рангах: дело делу рознь. Глушко, Королев, которые мелькали в показаниях руководителей института Клейменова и Лангемака, — кто они такие? Это сейчас мы читаем и ужасаемся: академики, лауреаты, гордость ракетной техники, пионеры мировой космонавтики! Но тогда-то для НКВД это были безвестные инженерушки какого-то не очень серьезного института.

Расстреляны Клейменов и Лангемака (подлинники создатели прославленной «Катюши», между прочим. — П. Г.) РНИИ был обезглавлен. Теперь предстояла подчистка, отлов мелкой рыбешки. На такой работе трудно проявить себя ярко, заметно. Ну кто такие эти мальчишки со своими «огненными горшками», кому охота с ними возиться?

И при чем тут Берия?

В феврале 1988 года Голованов беседовал с членом-корреспондентом Академии наук СССР С.Н. Ефуну. Сергей Наумович рассказывал об операции 1966 года, во время которой Королев умер. Сам Ефуну принимал участие в ней лишь на опре-

Википедия

Иван Клейменов

Википедия

Георгий Лангемак

деленном этапе, но, будучи в то время ведущим анестезиологом 4-го Главного управления Минздрава СССР, он знал все подробности этого трагического события.

«Анестезиолог Юрий Ильич Савинов столкнулся с непредвиденным обстоятельством, — вспоминал Сергей Наумович. — Для того чтобы дать наркоз, надо было ввести трубку, а Королев не мог широко открыть рот. У него были переломы двух челюстей, оставшиеся со времени следствия...»

— У Сергея Павловича были сломаны челюсти? — спросил Голованов жену Королева, Нину Ивановну.

— Он никогда не упоминал об этом, — ответила она задумчиво. — Он действительно не мог широко открыть рот, и я припо-

минаю: когда ему предстояло идти к зубному врачу, он всегда нервничал...

Смерть на следствии редкостью не была

Свидетель Глonti на вопрос, известны ли ему случаи, когда осужденных к расстрелу перед приведением смертной казни в исполнение избивали, 8 июня 1954 года показал: «Да, таких случаев было много. (...) Я лично видел, как Крымян, Савицкий и Гамсахурдия беспощадно били Дзидзигури рукоятками и убили его еще до расстрела».

Продолжение материала
Павла ГУТИОНТОВА —

СТРАНИЦЫ 26-27 ➔

Сергей Королев

ITAR-TASS

Берия с дочерью
Сталина Светланой

Википедия

Бывший начальник тбилисской тюрьмы Окрошидзе рассказал, как убили командующего 63-й Грузинской горно-стрелковой дивизией Ф. Буачидзе: «В 1937 году летом, я не помню точно месяца, ко мне прибыл из внутренней тюрьмы бывший командир дивизии Буачидзе. Он был избит до полумертвого состояния. На ногах он, конечно, не мог стоять. Он не мог говорить, а только стонал... Я помню, что все тело Буачидзе было покрыто сплошными синяками и кровоподтеками. Он не мог мочиться естественным способом (...) По существу, Буачидзе был уже в предсмертной агонии. (...) На следующий день после доставки Буачидзе в тюрьму он скончался».

Смерть на следствии не была редкостью, арестованных забивали насмерть сплошь и рядом.

Грузия была вотчиной Лаврентия Берии, лично контролировавшего в том числе и весь этот следственный аппарат, если так можно выразиться. В 1938 году его перевели в Москву, на место проштрафившегося наркома Ежова.

Ежова расстреляли, естественно. Сам же стиль работы изменился не сильно.

Знаменитое распоряжение Сталина в июле 1937 года о методах физического воздействия было заменено специальной шифротелеграммой от 10 января 1939 года, официально разрешавшей пытки «в отдельных случаях». В шифрограмме говорилось: «Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загрязнен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике».

Но факт остается фактом: в целом интенсивность репрессий при Берии в бытность его главой НКВД резко снизилась.

Историки приводят такие данные. На 1 января 1939 года числилось подследственных — 149 426 человек, освобождены по прекращенным в процессе следствия делам — 83 151 человек, освобождены прокуратурой и оправданы судами — 25 575 человек. В 1939-м — первой половине 1941 года освободили 142 432 человека в ходе следствия и суда. Общее число попавших под первую бериевскую «амнистию»,

1941 год. Тела жертв
расстрелов во Львове

Википедия

выпущенных на волю подследственных и заключенных ГУЛАГа, составляет 270 000—290 000 человек.

Освободили, в частности, 50 человек высшего комсостава, в их числе будущие командармы К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов, К.Н. Галицкий, Ф.Ф. Жмаченко, К.П. Подлас, Ф.А. Пархоменко, В.Д. Цветаев, К.А. Юшкевич. Вышли из следственных тюрем знаменитые физики Лев Ландау, Моисей Корец, Юрий Румер, авиаконструктор Владимир Петляков...

Зато непосредственно перед самой войной арестовали и (через полгода пыток)

расстреляли 46 генералов (ныне реабилитированных), без суда, по личной записке Берии Сталину, до сих пор место захоронения «ищут».

Провели массовые «операции» на присоединенных западных территориях.

Когда в 1941 году Красная Армия стремительно отступала на Украине и в Западной Белоруссии, практически все политические заключенные в тюрьмах были расстреляны. В Дрогобыче было расстреляно 110 человек, в Станиславе — 1000, в Тернополе — 700. Начальник тюрьмы города Глубокое в Белоруссии

Приемышев собственным решением казнил 600 человек. В результате немцы использовали это в пропагандистских целях. Они открыли тюрьмы для публичного посещения, и родственники заключенных могли убедиться в зверствах.

Это тоже Берия.

Материалы уголовного дела Берии до сих пор засекречены и недоступны исследователям, хотя Указом Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 года с материалов, непосредственно связанных с политическими репрессиями, ограничительные грифы должны были снять.

Впрочем, всю нашу историю XX века в пору засекретить и никому не показывать — во избежание самых жестоких разочарований. Так, кстати, и делают.

Да и чему поверишь сразу и безоглядно? Сплошное ведь вранье и недомолвки. Можно 100 непротиворечивых версий прожитой истории составить, и все — из мифов.

В 2012 году в России был издан сборник «Политбюро и дело Берии», содержащий ряд документов из РГАСПИ, в том числе и стенограммы некоторых допросов Лаврентия Павловича. Это небольшая часть дела Берии — сборник содержит около тысячи страниц, а само следственное дело, как утверждают, составляет «39 томов и 10 пакетов приложений».

Игорь Курляндский — о сборнике О. Можохина «Политбюро и дело Берии», Записки историка советской эпохи: «Видимо, составители сборника оказались «равнее других» и им на каких-то условиях разрешили с ними поработать. А что в остальных делах этой 171 описи? Почему их тоже не публикуем и никого к ним не пускаем?»

«Несколько десятков тысяч дезертиров» расстреляли

31 июля 1941 года НКВД и НКГБ снова сливают вместе. Всеволод Меркулов становится первым заместителем наркома, а объединенный наркомат возглавляет Лаврентий Берия. Среди задач наркомата есть и чисто военные. В распоряжении Берии — внутренние войска, лагерная охрана, пограничники, части особого назначения, партизаны... Кроме того, в качестве члена ГКО Берия курирует ряд отраслей оборонной промышленности. Прежде всего — наркомат вооружения (нарком Дмитрий Устинов, будущий министр обороны), а позже и танкостроение (нарком Исаак Зальцман). С 4 февраля 1942 года на Берию были возложены обязанности по контролю производства самолетов, моторов, вооружения и минометов, формированию авиаполков и их переброске на фронт. 8 декабря 1942 года Берия стал контролировать наркоматы угольной промышленности и путей сообщения.

В мае 1944 года он был назначен заместителем председателя ГКО и председателем Оперативного бюро. В задачи

бюро входило наблюдение за работой всех наркоматов оборонной промышленности, железнодорожного и водного транспорта, черной и цветной металлургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, бумажно-целлюлозной, электротехнической промышленности, электростанций...

Немало, да?

Из длинного и сумбурного письма товарищам 1 июля 1953 года арестованного Берии, перечислившего свои заслуги и напомнившего о тесной и верной дружбе с каждым: «...Но скоро после перевода в МВД после Ежова, т. Сталин выделил МГБ из МВД, особый отдел передал Наркомату Обороны, и только в начале войны, когда надо было остановить бегущие — отступающие наши войска, — возвращен Особый отдел из Наркомата Обороны и после проделанной работы по остановке бегущих войск, когда было расстреляно несколько десятков тысяч дезертиров (выделено мной. — П. Г.), созданы заградительные отряды и др...

Т-щи прошу извинения, что пишу не совсем связно и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенснэ (очков)».

Пенсне (очки) не выдали, и писать запретили вообще.

Постановлением ГКО от 3 декабря 1944 года «О неотложных мерах по

40 ученых, переодетых в офицерскую форму. Среди них — крупнейшие советские ядерные физики: Кикоин, Харитон, Флеров, Зельдович. Они должны отыскать немецких ядерщиков, за которыми по пятам идут американцы.

Но взаимоотношения начальников и ученых не всегда складываются гладко. 3 октября 1945 года великий физик Петр Леонидович Капица пишет Сталину письмо, в котором просит позволить ему выйти из атомного проекта из-за «недопустимого» отношения Берии к ученым. Сталин на письмо не отвечает.

Через полтора месяца Капица снова пишет Сталину: «Товарищи Берия, Маленков и Вознесенский — ведут себя в Спецкомитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипач дает тон всему оркестру. У товарища Берии основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо... Берии нужно работать, а черкать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле — это не значит руководить проблемой. У меня с Берией совсем ничего не получается. Его отношение к ученым мне совсем не по нутру. Быть слепым исполнителем я не могу, так как я уже

ОСЕНЬЮ 1945 ГОДА КАПИЦУ ОТСТРАНЯЮТ ОТ АТОМНОГО ПРОЕКТА. Я ГДЕ-ТО ПРОЧЕЛ, ЧТО ИМЕННО ЭТО И БЫЛО ГЛАВНОЙ ЦЕЛЬЮ ПИСЬМА СТАЛИНУ НЕ ЖЕЛАВШЕГО ДЕЛАТЬ БОМБУ КАПИЦЫ

знает. И Александров знает, что если завод взорвется, то он пойдет туда, куда Макар телят гоняет? Тогда Александров со своего места говорит — да, знает. Александров своей подписи не снимает. Не снимает? Строить. Подписано Берией, на этом все кончалось, вся экспертиза».

Работали не за страх, а за совесть, что называется. Ученые, разведчики, отысканные в оккупационной зоне немцы. Слово профессору Клаусу Тиссену, сыну Петера Адольфа Тиссена, возглавлявшего Институт физической химии и электрохимии Общества Кайзера Вильгельма, одну из ведущих научных организаций атомного проекта нацистской Германии: «На принадлежность к нацистской партии НКВД не обращал никакого внимания. Им было совершенно все равно, был кто-то членом партии или нет. Они должны были заниматься наукой, а не политикой. Например, мой отец был членом нацистской партии, Герц, Арденне, Польман не были членами нацистской партии, но таковыми были некоторые сотрудники институтов. На это никто не обращал никакого внимания».

От себя авторы фильма добавляют: «Лаврентий Павлович был в душе человеком глубоко аполитичным, никогда не увлекался коммунистической теорией и идеологической трескотней. Более того, по свидетельству подчиненных, не раз называл партийные собрания пустой тратой времени, а их участников — бездельниками. Теперь, когда в его распоряжении оказалось автономное и закрытое «государство в государстве», Берия установил в нем свои порядки. Здесь все должны были заниматься исключительно делом, а Коммунистическая партия оказалась на задворках. Особенно это касалось немецких специалистов».

В конце 1940-х годов началось наступление партийных идеологов на последние ростки вольномыслия. Проходит тотальная чистка творческих союзов, наводится порядок в общественных науках, громят генетиков и кибернетиков. Очередь за физиками. Для этого затевается дискуссия по борьбе с идеализмом в физике.

Академик Жорес Алферов: «Были темные страницы в советской научной истории. На март 1949 года была намечена дискуссия по физике... И дальше произошла такая история, которую мне рассказывали несколько человек, и все это совпадает, и я не буду абсолютно ручаться за все детали. Главный редактор «Правды» товарищ Поспелов прислал Игорю Васильевичу Курчатову статью философа Максимова, с которой должна была начаться дискуссия по физике. Об этом уже и в прессе писалось — «Квантовая механика и идеализм». И Курчатов собрал у себя в кабинете своих друзей и коллег — Зельдовича, Арцимовича и Кикоина — и сказал: что, братцы, будем делать? И, как мне говорили, Яков Борисович сказал, что он видит один вариант — снять вертушку правительственную, набрать Лаврентий Палыча и сказать, что нужно выбирать — либо дискуссия, либо бомба. А это начало 49 года. И они так позвонили и сказали. Тогда Лаврентий Палыч сказал: «Вы что, мне ультиматум ставите?» На что ему ответили — нет, прости господи, никакого ультиматума, но мы бомбу делаем на принципе эквивалентности массы и энергии, мы бомбу делаем с использованием квантовой механики, и если все это идеализм, то бомбу сделать нельзя.

Много позже Лев Андреевич Арцимович рассказывал, что Берия, уже после смер-

ти Сталина, но будучи еще руководителем Спецкомитета, пригласил после заседания Арцимовича попить кофе. И, выпивая кофе, сказал: а помните, вот было это в 49 году? Да, помню. Я, конечно, пошел к Сталину и сказал, вот так и так, они говорят там — либо бомба, либо дискуссия. Сталин сказал: нэ надо дискуссий, пусть бомбу делают, расстрелять их мы всегда успеем. Дискуссия была отменена, разгрома физики не произошло. А если бы это произошло, то это был бы ужасный удар по стране, по науке и по морде тоже».

В общем-то, плевать Лаврентий Павлович хотел на физику. Но он был прагматик, он тоже понимал: расстрелять всегда успеем.

29 августа 1949 года на полигоне под Семипалатинском прошло первое советское ядерное испытание. Под радиоактивный след от взрыва попало 11 административных районов Алтайского края.

Берия был единственным советским руководителем, когда-либо присутствовавшим на испытаниях. Говорят, у него на случай неудачи была подготовлена вторая команда физиков; первую команду пришлось бы назначить во вредители.

Все обошлось. Подлинные герои создания бомбы попали в другие списки.

Берии в списках реабилитированных нет

Лаврентия Павловича Берия арестовали 16 июня 1953 года. Обвинили в заговоре. Но на самом деле шла элементарная борьба за власть, где не действовали никакие правила игры, не имели значения никакие прежние связи, дружбы, человеческие привязанности. То есть все как обычно.

Берия судило «Специальное судебное присутствие» (под председательством маршала Конева) — внесудебный, неконституционный и потому неправовой орган. Уже по одному только этому обстоятельству любой цивилизованный суд должен был бы отменить приговор как вынесенный незаконным учреждением.

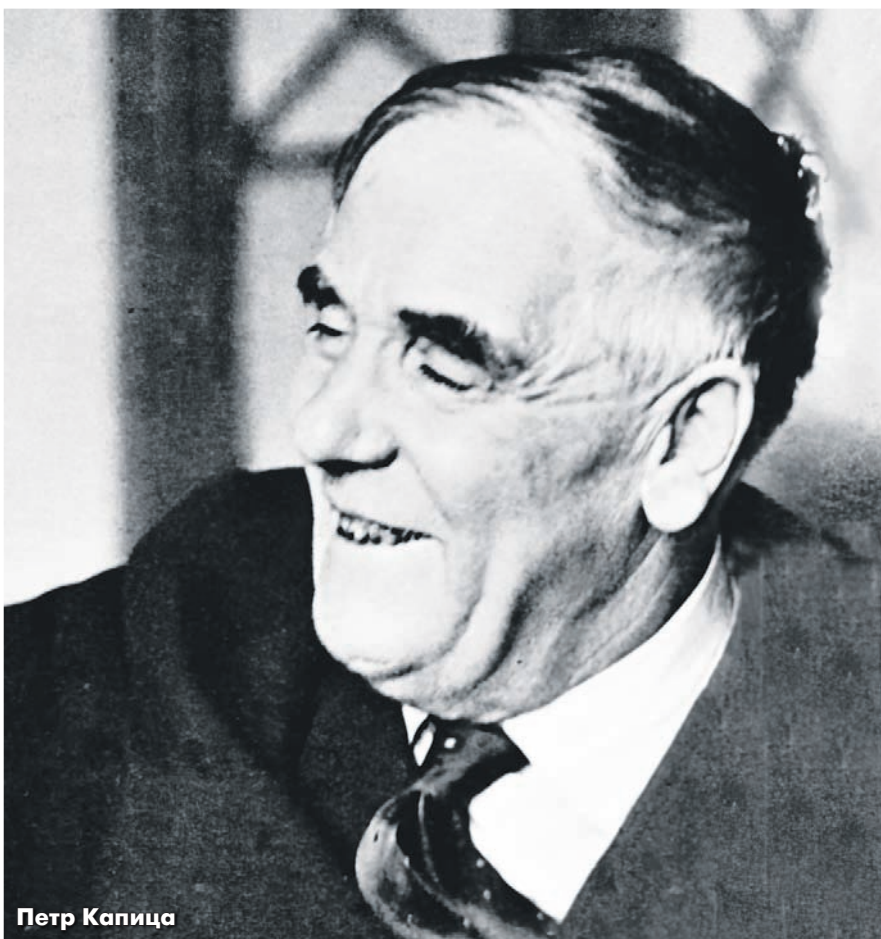
29 мая 2000 года Военная коллегия Верховного суда отказала в реабилитации Берии. Отказав в реабилитации, суд тем самым как бы признал законность всяких там «специальных судебных присутствий», «особых совещаний» и «троек».

Через два с половиной года «Известия» напишут: «К 2003 году Главная военная прокуратура полностью закончит пересмотр уголовных дел жертв политических репрессий 30–40-х годов. На состав преступления уже проверено свыше 160 тысяч дел «врагов народа». Более 93 тысяч человек реабилитировано, 80 тысячам в прощении отказано. Среди них и таким одиозным в российской истории личностям, как Лаврентий Берия, Николай Ежов, и их ближайшему окружению.

От цифр оторопь берет. И неловко спрашивать: ну и как, закончили «пересмотр уголовных дел жертв политических репрессий к 2003 году»? Два десятилетия минуло...

Все-таки хорошо, что Лаврентия Палыча пока не реабилитировали.

Павел ГУТИОНОВ,
обозреватель «Новой»

Википедия

Петр Капица

обеспечению развертывания работ, проводимых Лабораторией № 2 Академии наук СССР» на Берия было возложено наблюдение за развитием работ по урану и обеспечение практического содействия проекту НКВД СССР. Дальнейшее расширение участия НКВД в проекте было закреплено Постановлением ГКО от 8 декабря 1944 года «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд».

Арзамас-16, Челябинск-40, Красноярск-26...

23 марта 1945 года на совещании в кабинете Сталина Берия выступает с инициативой, чтобы специальные отряды «отправились в Германию на поиски новинок немецкой научной технологии и ее создателей». В Германию едет половина курчатовской лаборатории —

вырос из этого положения. Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика. Я бы сам ему все это сказал, да увидаться с ним очень хлопотно».

В результате осенью 1945 года Капицу отстраняют от атомного проекта. Я где-то прочел, что именно это и было главной целью письма не желавшего делать бомбу Капицы.

А вот что рассказал Льву Лурье и Леониду Малярову, авторам фильма «Кровавый прагматик», племянник академика А.П. Александрова, тоже физик-атомщик Евгений Александров: «Берия вел себя всегда крайне надменно, он ни с кем не разговаривал, там были отдельные столы, где сидело и начальство, и сидели приглашенные. Анатолий Петрович сидел среди приглашенных. Берия читал эти бумаги и говорил: вот Александров собирается строить завод, а Александров знает, что предыдущий завод взорвался? За Александрова начальник отвечает: да,

ВСЕЛЕННАЯ РОЗОВОЙ БАРБИ

**ДМИТРИЙ ПРОКОФЬЕВ —
О ТОМ, КАК ФИЛЬМ ПРО БАРБИ
ЗА ПЕРВЫЕ ВЫХОДНЫЕ ПРОКАТА
ПОБИЛ ВСЕ РЕКОРДЫ, И ЭТО —
НЕСЛУЧАЙНО**

Фильм «Барби» с Марго Робби в главной роли в первый уикенд проката заработал \$337 миллионов (\$155 млн в США и \$182 млн в других странах), абсолютный рекорд 2023 года. И это не случайный успех — Барби шла к нему много лет и трудной дорогой.

В начале пути

Сейчас в это трудно поверить, но симпатичная кукла в скромном черно-белом закрытом купальнике, представленная на ежегодной ярмарке игрушек в Нью-Йорке 9 марта 1959 года, не вызвала ажиотажа. У Барби нет никаких перспектив, утверждали закупщики игрушечных магазинов. И приводили «железный» аргумент — «Матери никогда не купят дочкам куклу с таким бюстом!». Недовольны были и профессиональные знатоки детской души — им кукла показалась «непристойной».

Тем не менее Рут Хандлер, совладелица компании Mattel, идеолог создания Барби, назвавшая свое творение в честь родной дочери, не сомневалась в успехе. Ее убежденность в победе «проекта Барби» базировалась на уверенности, что мир ребенка уже перерос границы родительского дома, девочки мечтают видеть себя не только матерями и домохозяйками.

Собственно, судьбу Барби решили сами девочки: они хотели получить первую в мире куклу, которая позволяла им играть в «саму себя в будущем» — привлекательную и эффектную женщину, обладательницу красивой фигуры. Свою роль сыграла и реклама — Барби оказалась едва ли не первой игрушкой, рекламировавшейся по телевидению под слоганом «Когда-нибудь я стану такой же, как ты». Новая игрушка стала суперпопулярной, только за первый год было продано 350 000 кукол (по цене \$3 за штуку), производство, организованное в Японии (из-за дешевизны!) не справлялось со спросом, магазины ограничивали продажу Барби — не больше одной куклы в руки.

В первые годы жизни куклы Mattel выпускала всего несколько вариантов Барби — «балерина», «болельщица», «невеста» и «теннисистка». Профессиональной карьерой Барби занялась позднее.

«Пигмалионы»

Легенда о Пигмалионе повествует о судьбе скульптора, создавшего статую прекрасной женщины и влюбившемуся в нее. Что-то подобное произошло и с творцами Барби.

Для начала они «творчески переосмыслили» немецкую куклу Лилли, продававшуюся в послевоенной Германии, придумав для нее новый образ.

Случайно увидев Лилли во время путешествия в Европу в 1956 году, Рут Хандлер купила три штуки: одну подарила дочери Барбаре, а две других отнесла в свою фирму. И поручила ее «доработать».

Причину, почему симпатичная, «взрослая» и сексапильная Лилли потребовала серьезного дизайнерского вмешательства, компания Mattel не любила афишировать. Дело было в том, что игрушечная Лилли изображала одноименного персонажа комикса для взрослых, печатавшегося в газете Bild Zeitung с 1952 года. Когда в 1955 году Лилли стала игрушкой, мужчины покупали ее в магазинах интимных товаров (больше она нигде не продавалась). У Лилли были тонкие бровки и губки бантиком, «тяжелый макияж», розовый цвет лица и тела, длинная шея и очень-очень узкая талия. Разумеется, Лили была лишена половых органов, но зато имела соски (конечно же на самом деле кончики ее пластмассовых грудок просто были несколько заострены.)

Рут Хандлер попросила своих дизайнеров «сделать из Лилли тинейджера».

Кадр из фильма «Барби»

За дело взялся Джек Райан — блестящий инженер, выпускник Йельского университета, до прихода в компанию Mattel проектировавший крылатые ракеты.

Фигура первой Барби осталась фактически фигурой Лилли — ей только удалили соски. Но дизайнеры немало поработали с лицом: губы девушки обрели более мягкие очертания и стали полнее, брови были подрисованы шире, зато сохранилась вытянутая голова с очень высоким лбом. Более естественный оттенок приобрело тело куклы. Новый, более сдержанный макияж кукле сделал Бад Вестмор знаменитый гример киностудии Paramount Pictures. В дальнейшем эффектные образы для Барби придумывали кутюрье Нолан Миллер, Калвин Кляйн, Живанши, Брайан Ларс, Боб Макки и другие звезды высокой моды.

Знаменитые «голубые глаза» Барби приобрела только в 1961 году, а спустя три года у куклы стали сгибаться ноги — благодаря трудам того же Джека Райана. С этого момента Барби могла сидеть, наклоняться и принимать «естественные позы».

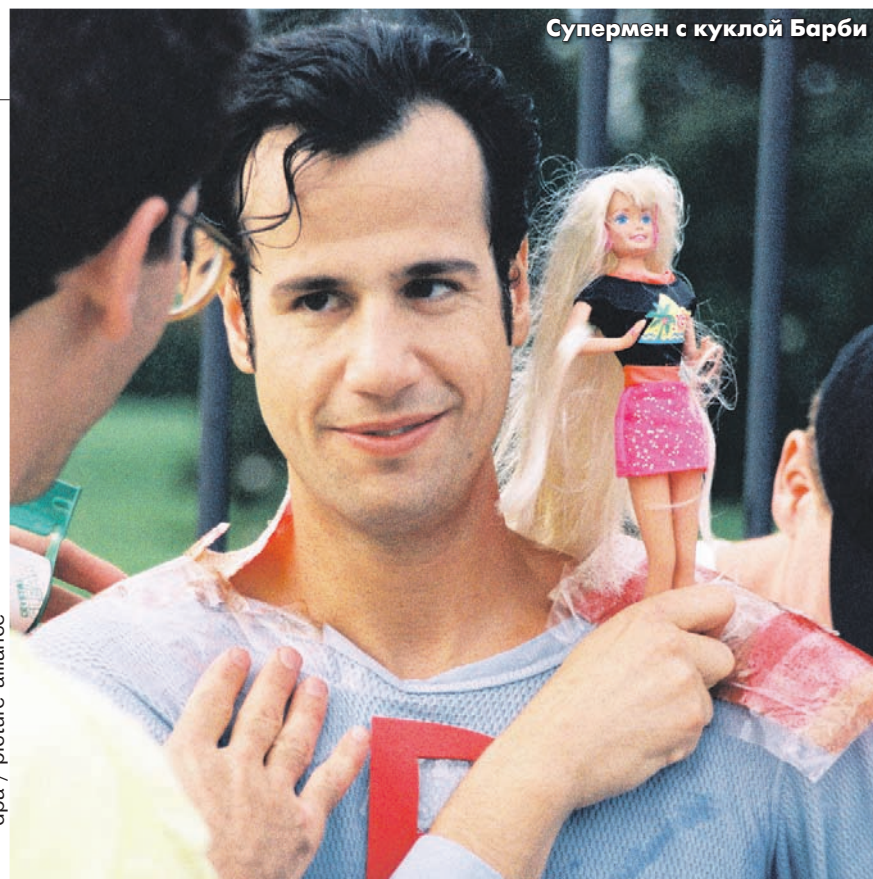
В 1971 году Барби стала «смотреть вперед» — до этого она скромно отводила глаза чуть в сторону. На рубеже 1970-х годов появились куклы со сгибающейся талией, локтями, коленями и запястьями, но это получилось сравнительно дорого и широкого распространения не получило. В дальнейшем Барби много раз меняла свой облик, а особенно «эффектные формы» она

нов долларов. Еще раньше, в 1964 году, Рут Хандлер выкупила права на «Лилли» — чтобы прекратить ее выпуск в Европе, избавив Барби от возможных сравнений.

Звезды и профессии

По одежде Барби можно изучать полувековую историю моды, по ее занятиям — историю женской эмансипации.

Барби действительно стала примадонной шоу-бизнеса. Сначала она освоила мастерство балерины, а вершиной ее сценического успеха стала партия Белого Лебедя в легендарном балете Чайковского — эта роскошная коллекционная кукла появилась в продаже в 1991 году. Триумф ждал Барби на эстраде, за клавишами рояля и с гитарой в руках. Перед поклонниками творчества Вильяма Шекспира Барби выступала, естественно, как Джульетта. Ее кинематографическая карьера также была стремительной — она «снималась» в роли Клары в полнометражной компьютерной анимации «Щелкунчик», после чего «играла» в полнометражном мультфильме «Барби — Рапунцель». Во всяком случае, заслуг Барби перед мировой культурой оказалось достаточно, чтобы ее восковая фигура была выставлена в лондонском Музее мадам Тюссо в одном ряду с величайшими киноактрисами. Вполне заслуженно в начале 90-х появились уникальные коллекционные «куклы Барби», лица которых воспроизводили индивидуальные

dpa / picture-alliance

Супермен с куклой Барби

мией COVID-19. Это были доктор Одри Сью Круз из Лас-Вегаса, доктор Жаклин Гоэс де Хесус, первой секвенировавшая геном SARS-CoV-2, австралийский врач Кирби Уайт, разработавшая новый тип медицинского халата, профессор Сара Гилберт, руководитель разработки вакцины Оксфордского университета, доктор Чика Стейси Ориува из Университета Торонто, медсестра Эми О'Салливан, лечившая первого пациента с COVID-19 в Бруклине, одновременно представлявшие также разные расы и континенты.

Рискованных профессий Барби не боялась. В 1965-м Барби впервые примерила скафандр астронавта (за 20 лет до полета в космос первой американки). В «девяностые» наводить порядок на улицах отправилась «Барби-полицейский», а бороться с огнем начала «Барби пожарный».

Если в 1961 году Барби была «стюардессой», то в 1999-м получила свидетельство пилота «Боинга». Но еще раньше, чем подняться в небо трансконтинентальный лайнер, Барби освоила боевой самолет. В то время — в начале 1990-х — у Барби начался настоящий роман с вооруженными силами США: Барби прыгала с парашютом, высаживалась на плацдармы и служила на боевом корабле.

Разумеется, гражданская карьера волновала Барби не меньше, и если в 60-е она была свободным художником-модельером, то в 90-е уже руководила корпорацией. И конечно же она занималась политикой, баллотировалась в президенты и даже побеждала на выборах — кукла «Барби президент» появилась в 1991 году. Не чуралась Барби и утомительной работы в сфере обслуживания, стоя за кассой в ресторане McDonalds.

Преодолевать препятствия Барби помогали занятия спортом. Начав с тенниса и аэробики, Барби стала принимать участие в соревнованиях и в итоге «завоевала» золотую олимпийскую медаль. И на паралимпийских играх, в том числе, — компания выпустила несколько кукол, требовавших «особого ухода» и инвалидной коляски.

Навстречу новому

Барби всегда была модницей, фантасеркой и поклонницей хороших вещей. Первый дом Барби был изготовлен из картона — привет плоским бумажным

куклам пятидесятых, которых можно было наряжать в бумажные платья. С течением времени Барби удалось «создать» собственный оригинальный стиль в облике и внутреннем убранстве своих домов.

Буквально через несколько лет после создания куклы компания Mattel стала предлагать покупателям массу разнообразных товаров, связанных с Барби. К аксессуарам, необходимым для игры — мебель, наряды, украшения, посуда, и прочее, — вскоре прибавились товары для самих девочек.

В 1989 году Барби заговорила и сразу же попала под удар критики. В ее лексиконе было 270 фраз, при этом каждая кукла умела произносить четыре фразы. Таким образом, двух «одинаково говорящих кукол» не было. На ее беду, в словаре Барби было заявление «Математика — это трудно!». Последние слова вызвали такую ярость американской Ассоциации выпускниц университетов, что в 1992 году Барби «замолчала», хотя крамольную фразу могли выговорить только 1,5% проданных кукол. Но данный случай оказался скорее исключением из правил. «Дом мечты» Барби был домом самостоятельной интеллигентки — кроме телевизора и музыкального центра в нем было место и для библиотеки.

При этом ряды противников Барби росли почти так же быстро, как и ее продажи. Фундаменталисты всех мастей критиковали Барби за ее откровенную женственность и феминистские успехи, медики возмущались ее неестественными пропорциями, а психологи утверждали, что игра с Барби заставляет девочек страдать от несовершенства собственного тела. И даже активистки женских движений, которым сам бог велел поднимать Барби как знамя, критиковали Барби за излишнюю заботу о гардеробе.

При этом, как бы шикарно Барби ни одевалась, и чем бы ни занималась, родители, покупавшие своим дочкам куклу, могли быть уверены: Барби всегда будет образцом приличий, а ее интересы будут заслуживать похвалы. В многочисленных сюжетах о жизни Барби и ее друзей и подруг, придуманных компаниями Mattel, никогда не было «сомнительных историй».

К началу нового столетия в мире было продано миллиард кукол Барби. Но... Дальше все стало сложнее — девочки стали узнавать о таких проблемах, которых не могло быть в «идеальном мире Барби», шагавшей от успеха к успеху в компании идеальных друзей.

Исследователи «феномена Барби» предсказывали, что кукла не переживет полувекового юбилея, — однако Барби доказала миру, что она может изменяться вместе с ним, оставаясь самой собой — энергичной, открытой, эмпатичной и стремящейся к свободе.

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ, «Новая»

Соцсети

Рут Хандлер — идеолог создания Барби

имела в период с 1977 по 1998 год. Если бы Барби чудом превратилась тогда в живую женщину, то при росте в 175 сантиметров параметры ее фигуры были бы 99-46-84. Шанс родиться с такой фигурой в принципе есть — один на сто тысяч. Но ни грамма лишнего веса — «весы для «дома Барби» были настроены на 110 фунтов (50 кг) и ни одной унции больше. Впрочем, в дальнейшем Барби приобрела более реалистичные формы тела. Сейчас бренд предлагает более 20 оттенков кожи, 94 цвета волос, 13 цветов глаз и пять типов телосложения.

Успех собственного детища поссорил его создателей. Разбогатев «на Барби», Джек Райан зажил на широкую ногу. Только официально он женился пять раз, предпочитая шикарных блондинок, причем каждой жене Райан предлагал сделать операцию по коррекции фигуры, чтобы они больше походили на созданный им идеал. Одновременно Джек Райан затеял громкий судебный процесс, оспаривая авторство куклы у Рут Хандлер. Герой «желтой прессы» никак не подходил на роль создателя «самой образцовой девушки», и в конце концов Хандлер просто откупила от Райана, выплатив ему больше 10 миллио-

черты и особенности внешности Элизабет Тейлор и Одри Хепберн. В дальнейшем попадание в список «женщин-звезд в образе Барби» стало означать мировое признание профессиональных заслуг и значительного вклада в развитие общества.

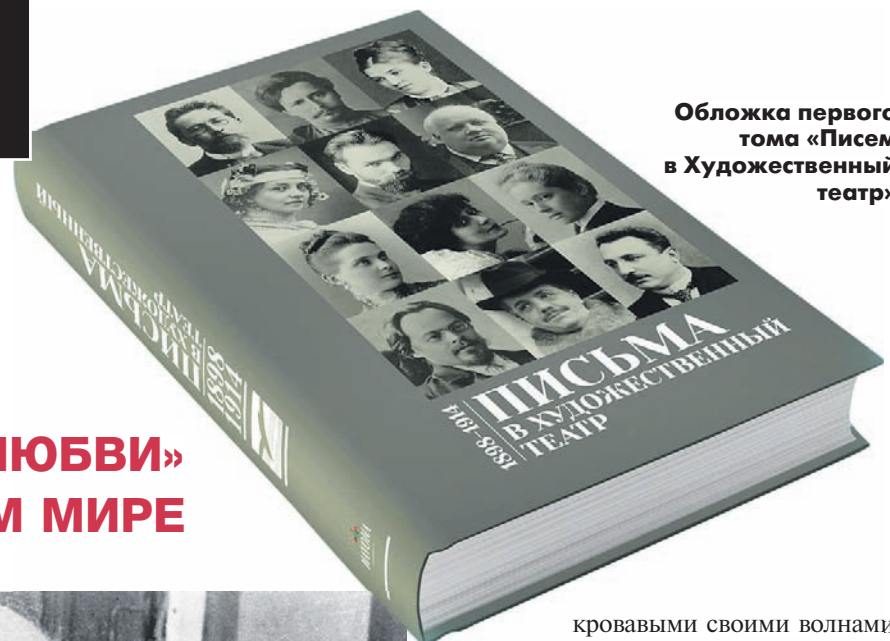
Если в начале своей трудовой карьеры Барби была «медсестрой», то уже в 1973 году стала «врачом». В девяностые годы XX века Барби освоила специализации педиатра и дантиста, а кроме того, научилась лечить братьев наших меньших — кукла «Барби-ветеринар» поступила в продажу в 1994 году. Ну а в 2022 году появилась целая серия кукол Barbie, посвященная женщинам, внесшим большой вклад в борьбу с эпиде-

ЕСЛИ БЫ БАРБИ БЫЛА ЖИВОЙ ЖЕНЩИНОЙ, ТО ПРИ РОСТЕ В 175 САНТИМЕТРОВ ПАРАМЕТРЫ ЕЕ ФИГУРЫ БЫЛИ БЫ 99-46-84. ШАНС РОДИТЬСЯ С ТАКОЙ ФИГУРОЙ В ПРИНЦИПЕ ЕСТЬ — ОДИН НА СТО ТЫСЯЧ

«КРОВЬЮ СЕРДЦА Я ПИШУ ЭТИ СТРОКИ»

**ДВА ТОМА ПИСЕМ И «СТО ПУДОВ ЛЮБВИ»
СТАЛИ СОБЫТИЕМ В ТЕАТРАЛЬНОМ МИРЕ**

Обложка первого
тома «Писем
в Художественный
театр»

«На шкафу меньшей из двух комнат научного сектора Школы-студии МХАТ в Камергерском годами пылились картонные ящики. Шла жизнь, и никто не обращал на них внимания. Но пришло время ремонта, и прежде чем вытащить картонки на свалку, сотрудники сектора решили в них заглянуть. Инстинкт академической ответственности не подвел. В ящиках лежало сокровище».

Теперь, когда вышли два тома «Писем в Художественный театр» (М.: Навона, 2023), выяснилась его цена. Если вообразить роман со временем в жанре нон-фикшн, он перед нами: адресатами Станиславского и Немировича-Данченко, многих актеров театра были первые люди эпохи — Блок, Брюсов, Горький, Алексей Толстой и Дмитрий Мережковский, Ермолова, Комиссаржевская, Коонен, Савина, Рахманинов, Леонид Андреев и Зинаида Юсупова, Добужинский, Кустодиев, Головин, Мейерхольд, Вахтангов, Шалапин, Чехов. А также гимназисты, купцы, каторжане, инженеры, курсистки, солдаты и матросы, врачи, школьники, крестьяне. Зрители. Все они любили Художественный «как лучшее в собственном мире». Двухтомник охватывает первые тридцать лет: от основания театра в 1898-м до 1928-го, кануна Великого перелома. Через три десятилетия — и каких! — идет чистый поток мощных человеческих эмоций. И сегодня по ним можно замерить глубину разломов, болезненность сдвигов русской жизни. По тому, как меняются тон и темы писем, ощутить драму перемен в истории и стране. Обрести такие документы — удача исследователей. Но и читателей тоже. Под редакцией Инны Соловьевой, Ольги Егошиной, Ольги Абрамовой мы получили чтение редкой знаменательности.

«Ваше искусство, тонкое и прекрасное искусство, трепещущее живою жизнью, наполненное благородною мыслью, обвеянное мечтою об иных, лучших временах для исстрадавшегося и озлобленного че-

Театральный режиссер
Константин Сергеевич Станиславский
за работой, 1937 г.

ловечества, о светлом будущем, в котором многое должно быть совсем не похоже на настоящее...» Звучит так, будто философствует чеховский Вершинин, а между тем это письмо Любови Гуревич, будущего исследователя МХАТа. Письма — род уникальной энциклопедии: нравы, характеры, типы отношений, уровни общественных мыслей, представления и правила, запросы и вкусы людей девятнадцатого и двадцатого веков.

А вот зрительница после премьеры пишет Качалову, задает продиктованный «подавляющей тоской неразрешенной загадки» вопрос: страдал ли Ставрогин? Ведь: «Вы так играли! Так бесконечно хорошо играли! Я не помнила себя, не помнила окружающую жизнь, забыла всех и всё...»

Есть отдельные линии переписки людей близких, друживших десятилетиями. В роковом семнадцатом году Александр Сумбатов-Южин поздравляет «Волю», Владимира Ивановича Немировича-Данченко, с именинами; главное пожелание: «Желаю тебе спасти хоть театр от той бездны, куда рушится многое»...

Есть программные обращения, как, например, Леонида Андреева к Немировичу в 1914 году о стратегии выбора материала: он призывает ставить Блока, а не Сургучева (кто сегодня помнит это имя?), остро ощущая кризис театра. Сам уровень этого «консал-

тинга» уже кажется космическим. Как и участие Андреева, Гиппиус, Горького, Мережковского, Алексея Толстого в формировании актуального репертуара.

Конечно, самый частый адресат — Константин Сергеевич. О чем только не просят Станиславского: об автографе для «народной учительницы», деньгах на гимназию, изменении мизансцен, правках в спектакле, ангажементах. О билетах для князя Кропоткина, вернувшегося в семнадцатом году из изгнания. И — просто о том, чтобы он своим пером коснулся чьей-то раненой души. Особенность этих писем в том, что все они так или иначе — о высоком, о сущностном. Из них ясно, каким значимым был Художественный театр для человека во времени. Строителем души, советчиком и утешителем. Собирателем населения в нацию, выразителем важнейших ее чаяний. Источником опыта и открытий. Тем, что «поднимает ввысь». Очевидно, поэтому многоголосый двухтомник несет силу и энергию духовного акта.

Первая треть XX века испытывала Художественный и его зрителей огнем и оружием, голодом, нищетой, переворотами и утратами; некоторые письма окликают наше настоящее, будто написаны вчера: «...С каждым днем не то что счастье, но и простое спокойствие становится все менее возможным из-за всего ужаса, который творится на всем свете и который

кровавыми своими волнами так и хлещет по всему нашему мирному обывательскому быту. <...> Еще и еще хочется на себя навалить дела, только бы отвлечься от всего, что происходит вокруг. И неужели решение этой задачи все еще упорно и нелепо ожидается в простой, достойной дикарей формуле: «око за око и зуб за зуб»? ...Неужели в людях заложено столько стадного чувства и столько злобы, чтобы так и остаться слепыми до того самого момента, когда обе страны погибнут, истекая кровью?» (Александр Бенуа — Станиславскому, 26 декабря 1916 года).

Объясняются в любви артистам и их героям, говорят о «литургии красоты», художественном счастье. И критикуют, негодуют, возмущаются. Прямо пишут: «тяжелое впечатление от выбора пьесы»; «легкий дешевый фарс», «чепуха» «падение художественного вкуса»; «как вы могли?!» и т.д. Вовсе не одним только елеем авторы писем обливают адресатов, и замечательно, что составители сохранили палитру суждений. К тому же не только массив писем делает издание событием, а, как ни удивительно, комментарии и сноски. Дело в эффекте постзнания, документальной возможности резюмировать «все жизни, все жизни», пульсация которых так ощутима на страницах двух томов.

Вот человек пишет в МХТ, просит прислать ему пьесы в ссылку, чтобы там затеять театр, а из сноски мы узнаем: бежал, арестован, снова бежал, воевал, расстрелян. Или двадцатилетний студент умоляет К.С. помочь ему стать актером («без этого жизнь пуста»), а из сноски следует: это писал в 1926 году будущий выдающийся клиницист-рентгенолог, автор десятков научных работ. Комментарии подсвечивают судьбы, вносят жесткость реальной прошивки. Дают изданию достоверность обратной перспективы и ее же горечь.

Отдельное событие — послесловие Инны Соловьевой, пора уже честно обозначить — великого историка Художественного театра. Соловьева формулирует суть и стержень задачи: «Художественный театр потому и имел в духовной жизни страны положение чрезвычайное и центрирующее, что был занят не чем иным, как этим: взаимоотношением национального идеала к национальной действительности... драмой национального идеала, неизбежно переживающего слом и кризис в пору сломов исторических».

Сквозь призму этих двух томов место и роль сегодняшнего российского театра очевидны.

Марина ТОКАРЕВА, «Новая»

«ОППЕНГЕЙМЕР» — ГЛАВНЫЙ ФИЛЬМ ГОДА ОБ ОТКРЫТИЯХ, КОТОРЫЕ НАС УБИВАЮТ

**АМБИЦИОЗНЫЙ ВЗРЫВНОЙ ЭПИК,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ОТЦУ АТОМНОЙ БОМБЫ,
УЖЕ НА ЭКРАНАХ. НО НЕ В РОССИИ**

Кристофер Нолан снял напряженный интеллектуальный триллер об одном из главных ученых XX века, повлиявших на современную политическую повестку и изменивших траекторию развития человечества.

После неудачи «Довода», в котором режиссер за излюбленными играми в инверсии и переходы, захваты времени и сбивчивые алгоритмы потерял героев, превратив их в математические функции, выходящие из точки А в точку Б, он развернул оптику своего особого метода на внутренний мир героев. И определенно выиграл, выбрав для портретирования разрываемого противоречиями ученого, исследующего загадки нейтронных звезд и черных дыр, квантовой механики и электродинамики, влияющих в том числе и на поведение человека.

Его кино не байопик, а увлекательный зрелищный блокбастер об играх разума и их последствиях, созданный в формате 70 мм для IMAX и при этом скрупулезно документирующий бесконечную россыпь мелких подробностей, которые срастаются в историю ошеломительного взлета и сокрушительного падения Роберта Оппенгеймера, возглавляющего сверхсекретный манхэттенский проект в Нью-Мексико.

Кажется, Кристофер Нолан («Начало», «Тенет», «Дюнкерк», «Темный рыцарь») строит фильм по законам квантового движения: вместо последовательно текущей истории — фрагменты. Герои, как частицы, могут перемещаться во временных и пространственных измерениях. Из малейших кирпичиков — диалогов, реакций, поступков, прозрений и ошибок — складываются и конкретные судьбы, и сам сюжет, и мироздание. В драматургический рисунок на равных вписаны запутанная личная жизнь физика-ловеласа, научные открытия, политические и философские дебаты — и геополитические интриги.

Сценарий основан на удостоенной Пулитцеровской премии книге Кая Берда и Мартина Шервина — историков, собиравших в течение 25 лет материал про ученого и всех, кто так или иначе был связан с ним и его открытиями. Но режиссер, как и его герой, разбивающий об стену бокалы, чтобы понять механику взрыва, разбивает биографию физика-теоретика на осколки, которые складывает на экране в прихотливую мозаику уникальной судьбы.

Мы узнаем о пути молодого, блестяще образованного, но неудачливого экспериментатора (он ненавидел опыты и даже отравил с помощью шприца яблоко своего шефа, критиковавшего юного выскочку за нерасторопность) в фундаментальную науку. Кембридж, Геттинген (обучение под руководством Борна), Лейден (здесь он читал лекции о молекулах на голландском, переводы с санскрита), Цюрих, Беркли, Калифорнийский технологический институт, Принстон (где он стал директором и завкафедрой после Альберта Эйнштейна)...

Любитель Достоевского и Пруста, Элиота, древнеиндийского эпоса и Пикассо развивает квантовую физику как способ восприятия, понимания многофакторной реальности, не забывая

о загадочной сути человека. Строит свой идеальный мир научных парадоксов, создает новую вселенную возможностей как новое мироздание — и разрушает ее. Ведь результатом запредельно отважных изысканий станут... бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Сам фильм строится по принципу взрывного устройства. Споры о быстрых нейтронах, о морали ведения войны и способах ее остановить, о кровавом перекрестке между наукой и политикой, о «кольце всевластия», которое военные непременно отбирают у ученых, словно обладают накопительным эффектом. И вот уже в пустыне Нью-Мехико под руководством генерала Лесли Гровса (Мэтт Деймон) — жесткого военного союзника, выбравшего Оппенгеймера на роль лиде-

ра Манхэттенского проекта, — с помощью всей инновационной мощи Америки как центр секретных изысканий строится «город для бомбы» Лос-Аламос. Три года и два миллиарда долларов налогоплательщиков... Они спешат, чтобы опередить нацистов, создающих свое смертоносное оружие (одна надежда на звериный гитлеровский антисемитизм, фюрер назвал физику жидовской наукой, мешая ей развиваться). Перед взрывом Гровс интересуется: не может ли этот эксперимент оказаться смертельным опытом для человечества? И честный физик не может дать ему стопроцентной гарантии того, что бомба не превратится в начало апокалипсиса.

Оппи — как его называют друзья — произносит триумфальную речь перед коллегами и студентами после бомбежки, которая «должна остановить войну». И восторженная аудитория в его глазах корчится, плавится, рассыпаясь прахом. Ну да, слишком декларативно. Но Нолан никогда не боялся визуальных манифестов.

При этом в какой бы толчее сподвижников или злопыхателей ни находился Оппенгеймер, он существует отдельно, обособленно. Рассказывают, что для этого ощущения космического одиночества Мерфи во время съемок в Нью-Мексико держался особняком, практически не контактируя с группой.

Он надеялся с помощью атома спасти Вселенную, а в итоге вместе с единомышленниками открыл двери смертоносным войнам и водородным бомбам. Добро пожало-

вать в ад. Цепная реакция действительно меняет атмосферу. Взорванная бомба меняет мир. И уже с вместе с Эйнштейном Оппи ищет ответы на тупиковые вопросы. А когда пытается остановить гонку вооружений, его обвиняют в нелояльности, потакании коммунистам и русским шпионам.

Как же похоже на историю Сахарова! Правда, речь идет лишь о допуске к секретности, а не о ссылке и искусственном кормлении во время голодовки. Но и в том, и в другом случае в основе — наивность веры в чистоту красивых теоретических идей, оторванных от их потенциальных сокрушительных последствий, пагубность «общей конструктивной работы» гения и правительства.

«Оппенгеймер» возвращает сотрясенному пандемией Голливуду большое зрелищное кино формате IMAX, завязанное на актуальных дилеммах и сложнейшей моральной дилемме героя. На конфликтах, соединяющих развлечение с философским и человеческим опытом. На нерасторжимой связи науки и политики. Кино Нолана — о гении, застрявшем в мире абсолютов, вдохновившем своими догадками идеи разрушения, возлюбленном нации патриоте, оказавшемся одним из первых «мучеников маккартизма».

Кстати, решение 1954 года об отзыве секретного допуска Оппенгеймера было аннулировано лишь в 2022-м, через 55 лет после его смерти, когда Нолан уже завершил съемки фильма о выдающемся ученом.

Лариса МАЛЮКОВА, «Новая»

«**КАК ЖЕ ПОХОЖЕ НА ИСТОРИЮ
САХАРОВА! И В ТОМ, И В ДРУГОМ
СЛУЧАЕ В ОСНОВЕ — НАИВНОСТЬ
ВЕРЫ В ЧИСТОТУ КРАСИВЫХ
ИДЕЙ, ОТОРВАННЫХ ОТ ИХ
СОКРУШИТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ,
ПАГУБНОСТЬ «ОБЩЕЙ РАБОТЫ»
ГЕНИЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВА**»

Кадр из видео

смотри в оба

с Ириной Петровской

**СВЕТЛАНА ДРУЖИНИНА РАССКАЗАЛА
О СЕРИЙНОМ ПАТРИОТИЗМЕ
С ПОЛЬЗОЙ ДЛЯ СЕБЯ**

**НЕ ВЕШАТЬ
НОС,**

ГАРДЕМАРИНЫ!

Каждая «звезда», приглашенная на ютуб-канал «Эмпатия Манучи», обязательно должна соответствовать двум критериям: безоговорочно поддерживать СВО и столь же безоговорочно осуждать уехавших из России коллег-артистов. Отдельным пунктом обязательной программы идет отношение к Алле Пугачевой. Здесь не возбраняется проявить и сочувствие великой некогда Примадонне, променявшей всенародную любовь на эфемерную свободу в чужом краю.

Кинорежиссер Светлана Дружинина с честью прошла эти, так сказать, тесты и даже перевыполнила традиционный манучаровский план, поделившись бесценными воспоминаниями о той «нашей предыдущей», как она говорит, войне, которую она пережила совсем маленькой девочкой. Ей есть с чем сравнивать, и она сравнивает. Да так, что захватывает дух.

Дружинина помнит, как в начале войны толпы людей на улицах Москвы стояли у черных репродукторов, слушая последние сводки Совинформбюро. И все крестились. И это было общее переживание — то, чего, по мнению Дружинины, так не хватает людям сейчас. Пока одни ребята из отдаленных в основном регионов добровольно идут воевать, в центре живут так, будто ничего не происходит. Это нехорошо. А радует и обнадеживает ее то, что множество соотечественников помогает фронту, чем может: «Да, нас застали врасплох, да, у нас много чего не было», ну ничего, постепенно наворачтали.

Вообще-то, когда объявили СВО, она была абсолютно уверена, что все будет гораздо проще, «потому что есть определенные человеческие, объективные вековые законы», неукоснительное соблюдение которых не привело бы к тому, что в итоге случилось, — и Каховская ГЭС стояла бы целая и невредимая, и Крымский мост не подвергался бы атакам. Из этих ее слов не сразу и поймешь, кто именно не соблюдает вековые объективные законы, однако скоро она расширявает свою глубокую мысль.

Вспоминая дни эвакуации под Сталинградом, Дружинина рассказывает о массированных вражеских налетах. Но, оказывается, якобы бомбили «милосердные» немцы только три точки — железнодорожную станцию, электростанцию и элеватор, где хранилось зерно. «Никто не посмел сбросить ни одну бомбу на жилые кварталы... А смотрите, что сейчас. Как они лупят прямой наводкой по автобусу, который вывозит людей. Это что?» «Ой, что вы такое говорите, Светлана Сергеевна?» — должен был бы

**ДЕНЬГИ НА ОКОНЧАНИЕ СЪЕМОК,
КОГДА ЕЕ СОБСТВЕННЫЕ
ЗАКОНЧИЛИСЬ И ОНА УЖЕ СОВСЕМ
БЫЛО ОТЧАЯЛАСЬ, ВЫДЕЛИЛ
САМ ПУТИН**

схватиться за голову ведущий. Однако он совершенно спокоен и явно ни подвоха, ни крамолы не ждет.

И режиссер, проявив недюжинные аналитические способности, подытоживает: «Начать войну против России — это значит быть просто безграмотным человеком. Я бы просто никому этого не посоветовала. Не потому, что я злобный, несколько торжествующий русский человек. Нет, я просто грамотный в этом вопросе человек... Ценой больших усилий, невероятного терпения мы победим. Это только безграмотность предполагает, что может быть иначе» (довольно хохочет).

«В вашем всенародно любимом фильме «Гардемарины, вперед!» есть уникальная фраза: «Судьба и Родина едины». Бывают ли обстоятельства, когда судьба и Родина не едины, а порознь?» — углубляется в любимую тему Манучаров. «Нет, у меня такого никогда не было», — чеканит «прародительница» «Гардемаринов», добавляя, что без таких честных и отважных патрио-

тов, как герои ее фильма, не живет Россия. И лучшие из них сегодня там, на передовой.

Между тем выясняется крайне неприятная история. Долгоиграющие «Гардемарины» («Гардемарины, вперед!» (1987), «Виват, гардемарины!» (1991), «Гардемарины III» (1992)) недавно получили свое продолжение и могли бы верой и правдой и дальше служить благородному делу патриотического воспитания молодежи. Тем более что деньги на окончание съемок,

когда ее собственные закончились и она уже совсем было отчаялась, ей выделил сам Путин. Так сказал ей по телефону Сергей Кириенко, сообщивший флангу весть. И она тогда упала на колени и воскликнула, воздев руки к небу: «Господи, спасибо Владимиру Владимировичу Путину!»

Но вот уже три года готовые «Гардемарины 1787. Мир» и «Гардемарины 1787. Война» лежат на полке, ни один из телеканалов их не берет, мороча создательнице голову напрасными обещаниями («хы-хы-хы» — снова всхohхывает Дружинина, явно оскорбленная столь пренебрежительным отношением телевизионного руководства к ее заслугам перед Отечеством).

«Самое неприятное, — говорит, — что и родной мой канал «Россия-1», родина «Гардемаринов», обещает, но не берет. Как это так? У вас же место есть. Вы столько всякой ерунды показываете. А это сильный сериал!»

«После нашего интервью возьмут», — бросает реплику Манучаров уверенным тоном большого начальника, способного решить любой вопрос. Короче, «не вешать нос, гардемарины!».

Ну, поживем — увидим, так ли весомо его слово. Хотя в сюжете «Вестей», вышедшем уже после «Эмпатии Манучи» и посвященном 85-летию мужа Дружининой оператора Анатолия Мукасея, «Гардемаринов» вспомнили добрым словом и показом фрагментов. Возможно, лед тронулся, и Светлана Дружинина не напрасно побывала в эфире у Манучарова. Замолвила словечко за свое бесценное детище. Не исключено, что это было ее условием визита к нему — в ответ на его, совсем необременительные для нее условия. Ты мне — я тебе. Никто не внакладе. Зрители тоже. «Вау, — пишут в комментариях, — 87 лет, и такая ясная голова» (всем приятно найти созвучие собственным, пусть и почерпнутым из родного для Дружининой телеканала мыслям, изложенным ей с такой обостряющей последовательностью и безостановкой).

А Манучаров, кстати, в финале подкачал. Спросил вдруг: «Почему из всех «Девчат» (фильм, где молодая Дружинина сыграла роль стержневой красавицы Анфиски) остались только вы?» (неделikatно намекая, что все другие ее партнерши уже покинули этот свет). Дружинина то ли не уловила смысла вопроса, то ли специально уклонилась от ответа, а на следующий, еще более шокирующий вопрос: «Смерти вы боитесь?» — опять всхohхотнула: «Не боюсь. Но не хочу. Хочу жить!» Старость ее дома не застанет.

Над выпуском работала
московская редакция
«Новой газеты»